

Ольга Власова

НЫБУТЫ

Книга 3. Сквозь стекло

Ольга Власова

Ныбуты. Книга 3. Сквозь стекло

«Издательские решения»

2015

Власова О. И.

Ныбуты. Книга 3. Сквозь стекло / О. И. Власова —
«Издательские решения», 2015

Мир за стеклом правит бал, Есть примы артисты, а есть полный зал, Фонарь
неприметный — рояль в кустах, Суровая правда — своя у всех... Характер
русский встречает лесть.. Узнать об этом все можно здесь. За отраженьем
стекольных рам Увидим мужчин и множество дам...

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ныбуты

Книга 3. Сквозь стекло

Ольга Ивановна Власова

Ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.

От Матфея гл. 17 20

© Ольга Ивановна Власова, 2015

Фотограф Dania Averyanova www.shumizum.ru Дарья Андреевна Аверьянова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

Глава 1

Свет от фонаря, который висел слева от входной двери, не давал господину Райле, стоявшему на улице разглядеть, что происходит внутри лечебницы. Блики и тени показывали причудливый спектакль, который можно было увидеть обладая обширной фантазией. В театральной постановке было много людей похожих на зверей и птиц. У некоторых в горшках росли необыкновенные цветы. Иногда сквозь толпу проносился вихрь, захватывая в воронку одного или несколько человек, а другие, не замечая потерь, продолжали действие. Откуда взялись эти образы, и что обозначала причудливая игра света и тени на оконном стекле, губернатор не понял и вернулся в автомобиль, чтобы дожидаться Елену с детьми.

– Устали нас ждать? – спросила мать Алекса, когда машина отъезжала от здания.

– Да нет. – спокойно ответил тот. – Как здоровье госпожи Макияври? – поинтересовался мужчина.

– Она спросила нет ли у меня детей. – тихо произнесла девочка.

Господин губернатор удивленно посмотрел на Елену, ожидая, что та пояснит ответ, но женщина только покачала головой, показывая, что не нужно продолжать разговор.

Несмотря на то, что дорога была недлинной, все с облегчением вздохнули, когда оказались около дома. Тягостное молчание, которое повисло после слов девочки, никто не посмел нарушить, и у каждого появилось немного времени, чтобы подумать о своем. Господин Райле размышлял о том, что уже послезавтра можно будет съездить в город Р, чтобы договориться о том, чтобы Матильду взяли на обследование, и после этого можно будет похлопотать, чтобы девочке, как дочери погибшего при исполнении офицера дали в аренду землю, которой тут было предостаточно. Этот край, где восемь месяцев в году была зима, хоть и был привлекателен для многих, но не на столько, чтобы сюда съезжались толпами. Только такие отчаянные головы как Иван Тюлькофф могли кардинально менять место проживания, еще не увидев, но чувствуя нутром огромную прибыль. Этот кусок земли девочка смогла бы отдать в аренду, и у нее появился бы еще один небольшой источник дохода.

«Надо написать прошение генерал-губернатору, – думал господин Райле. – Дом-то у девочки сгорел и нужно отстраивать новый, потому что время летит быстро и не успеешь оглянуться, как она вырастет.»

Елена пыталась придумать, как отвлечь свою подопечную от тягостных мыслей по поводу душевного здоровья ее матери. После трагедии, которая случилась, девочка только на четвертый день обратилась к Елене с просьбой навестить женщину, родившую ее. Детская память коротка и поэтому ребенок, оказавшись в благополучных условиях, немного оттаял и видимо решил, что и с Матильдой произошли в больнице такие же изменения в лучшую сторону. Мать Алекса пообещала, что уговорит Тиину, чтобы та разрешила ей свидание. Все утро Катарина порхала по дому в предвкушении этого события. Когда приехал господин Райле, то Елена попросила его отвезти их в лечебницу. Фельдшерница, выслушав просьбу матери Алекса, отвела ее в сторону и пыталась объяснить, что реакция на девочку у Матильды может быть самой непредсказуемой, но женщина, которая никогда не встречала в своей жизни душевнобольных и представить себе не могла, чем все это может обернуться. Когда она в прошлый раз заглядывала в палату к госпоже Макияври, то не увидела в ее поведении ничего утрашающего. Сначала так было и сегодня: первой вошла Тиина, потом Елена, которая держала за руку свою маленькую подопечную. Расплывшаяся женщина в ситцевом халате и стоптанных ботинках дядюшки Ристо с интересом рассматривала всех входящих и вдруг остановила взгляд

на девочке. Катарина робко улыбнулась матери и тихо поздоровалась, а та громко спросила ее о наличии детей, потом грязно выругалась и, вытерев тыльной стороной руки нос, подмигнула ей. Девочка, которая была готова увидеть родительницу больной и вызывающей жалость, не могла поверить в то, что такое поведение и есть крайнее проявление душевной болезни. Елена быстро вывела Катарину из палаты, и они вернулись в приемную, где их дождался Алекс.

«Вечером мы идем в кондитерскую на празднование Нового года и не хотелось, чтобы ребенок чувствовал себя в этот день несчастным. – размышляла Елена. – Чтобы дети смогли радоваться празднику, еще утром договорились о том, что когда вернутся из лечебницы, Алекс и Катарина лягут спать. Как же теперь заснет это несчастное дитя? – глядя в окно, думала женщина. – В этом сможет помочь или наш пернатый приятель или веселая сказка придуманная мною. Не могу назвать себя лентяйкой, но что-то мне в голову ничего радостного не приходит и, поэтому я с удовольствием отдала бы пальму первенства снегирию. – вздохнула она.»

Катарина всю дорогу думала о матери, которая, как ей всегда казалось, не любила ее, но все же никогда не допускала в ее адрес бранных слов. Вопрос же о наличии у девочки детей поставил ее в тупик. В ребенке в это время боролись два чувства-дочерняя любовь к человеку, подарившему ей жизнь, и желание забыть о женщине, которую она сейчас увидела.

«Тетя Елена, – размышляла девочка, – говорила, что мама очень больна, но ведь она не лежала в постели и даже не кашляла. Я так хотела ее сегодня увидеть, а она только грязно обругала меня. Что я сделала ей плохого? – еле сдерживала слезы Катарина. – Неужели, когда ее выпишут, мне придется все это терпеть? – с ужасом подумала она.»

Пока подруга мучилась над вопросом, как будет жить с безумной матерью, Алекс смотрел в окно и предвкушал празднование Нового года в кондитерской у дядюшки Унто.

Парнишка не знал, что произошло в палате Матильды Макияври, но из разговоров старой нянечки понял, что женщина не лежит при смерти, и поэтому решил, что у девочки есть все шансы снова обрести мать.

«Мне бы очень хотелось, чтобы Катарина осталась у нас жить, – водил по стеклу пальцем мальчик, – но если ее мама здорова, то, конечно, они должны жить вместе. Мама говорит, что нельзя говорить плохо про людей, и особенно про родителей твоих друзей и поэтому, главное, чтобы тетя Матильда не запретила нам дружить.»

Елена вышла из машины и сразу увидела красногрудого приятеля, который, заметив ее, полетел ей навстречу.

– Катарину поддержи лучше. – чуть слышно попросила она.

Птица села на открытую дверцу и, поворачивая своей маленькой головкой, попыталась заглянуть внутрь автомобиля.

– Болик! – воскликнул мальчик, когда увидел своего пернатого друга.

Снегирь продолжал сидеть на своем месте и только склонил свою круглую голову на бок.

Когда девочка оказалась на улице, то птица тут перелетела к ней на плечо.

– Давно не виделись. – улыбнулся ребенок. – Только еду надо у тети Елены выпрашивать, а не у меня.

Снегирь внимательно выслушал то, что ему сказала девочка, но даже не шелохнулся.

– Может он есть не хочет. – пожал плечами мать Алекса.

– Кто не хочет? – не выдержала и расхохоталась Катарина. – Он? Сами же говорили, что, сколько не сыпете ему пшена, он все подъедает.

– Да, я и не помню сколько ему сегодня насыпала. – улыбнулась женщина.

– Так ведь мы с Алексом ему насыпали в кормушку. – покачала головой девочка. – Наверняка уже все склевал.

– А ты проверь. – предложила женщина. – Если пусто, то нужно пополнить кладовые.

Катарина шла медленно и птица, как неживая, продолжала сидеть у нее на плече.

– Вас в цирк надо! – крикнул подруге Алекс.

Девочка только поджала губы, скрывая улыбку, и не спеша шла. Около птичьей столовой она остановилась и заглянула внутрь.

– Пусто! – развела руками она.

– Совсем? – переспросила женщина.

Девочка молча кивнула.

– Пойдемте в дом, насыплю ему кулек. – проговорила женщина и пошла к входной двери.

Катарина осталась на улице, потому что снегирь так и продолжал сидеть, а ей не хотелось прогнать его. Алекс вбежал в дом вслед за матерью и следом за ним вошел внутрь господин Райле.

– Мам, давай быстрее! – поторапливал женщину мальчуган.

– Ты куда-то опаздываешь? – с легкой иронией поинтересовалась Елена.

– Там же Катарина может замерзнуть. – начал оправдываться мальчик.

Женщина протянула большой кулек с пшеном, объяснив, что насыпала двойную порцию в честь праздника.

Когда за парнишкой закрылась дверь, то Елена предложила мужчине раздеться и пройти в комнату.

– Можно подумать, что снегирь понял мою просьбу. – рассмеялась женщина, когда сказала губернатору о том, что попросила птицу утешить девочку.

– Может так все и было. – улыбнулся тот.

– Это только в моих сказках бывают такие чудеса. – покачала головой женщина.

– А в цирке? – посмотрел на Елену господин губернатор.

– Там конечно талант нужен, но дрессуры больше. – чуть усмехнулась хозяйка дома.

– Кто знает, кто знает. – многозначительно проговорил мужчина и снова завел разговор о том, что произошло в лечебнице.

Мать Алекса со всеми подробностями рассказала о том, что там случилось.

– Скоро съезжу в город Р и договорюсь, чтобы ее взяли на обследование. – вздохнул мужчина.

– А что делать с девочкой? – спросила Елена.

– Пока мы не узнаем о дальнейшей судьбе ее матери, я не могу подавать прошение об установлении опекуна. – проговорил губернатор.

– Она и без опекуна может жить у нас столько, сколько будет нужно. – махнула рукой женщина. – Главное, разобраться в болезни ее матери. То, что сегодня мы увидели, было просто чудовищно. Не хотелось подвергать девочку снова таким испытаниям, ведь она так хотела с ней встретиться.

Когда покрасневшие дети вернулись домой, то Елена напоила их чаем и уложила спать. После морозной прогулки Катарину с Алексом быстро сморил сон, а губернатор с женщиной продолжили свой разговор о дальнейшей судьбе девочки.

Глава 2

Пока Елена помогала детям прийти в себя после тяжелого послеобеденного сна, господин губернатор рассеянно рассматривал знакомые сюжеты на кухонных шкафах, и думал о последнем разговоре с Персивалем, во время которого, тот уверял его в том, что более преданного делу человека найти на это место невозможно.

«Он был похож на кота, который, если бы умел говорить, то стал уверять хозяина, что лучшего сторожа куску мяса найти невозможно. – усмехнулся в пушистые усы мужчина. – Персиваль, как избалованное домашнее животное забыл, что родился в семье угольщика и возомнил себя коронованным принцем. Кошки очень часто ведут себя так, будто люди созданы для того, чтобы выполнять все их прихоти. Такая игра света и тени, которую я наблюдал в окне лечебницы: придуманные образы ведут себя как настоящие, не подозревая о том, что они только плод моей фантазии. Городового, правда, выдумал не я, а его раздутое самомнение и непомерные желания его жены. С каким подбострастием смотрела на меня эта расплывшаяся женщина. Недаром ее называли Раакель она и правда очень похожа на овцу, и непонятно может ли думать о чем-либо другом кроме материальной пищи. Видимо именно с этим бараньем упорством она и толкала мужа на превышение его обязанностей. Отчего эта женщина так себя вела? От небольшого ума или от своей алчности? Ведь детей у них нет и денег им должно было хватать на двоих.»

В это время прибежали дети, которые сели за стол и попросили чаю.

– Холодного? – спросил мужчина.

Алекс и Катарина только пожали плечами.

– Может морса попьете? – зашла на кухню женщина.

– Конечно. – ответил за себя и подругу мальчик.

Господин губернатор встал и попросил разрешения пройти в комнату.

– Что-то спина затекла. – объяснил он.

– Может грелку? – забеспокоилась Елена.

– Ну, не так уж я стар, чтобы меня грелками-то обкладывать. – подмигнул он детям.

В комнате мужчина сначала прошел в угол к Алексу, где задержался около незаконченного рисунка. С видом знатока он заложил руки за спину отошел на столько на сколько это было возможно и прищурился. Такие натюрморты пишут многие начинающие художники. Предметы для этого берут самые разные и казалось, что картины очень просты для понимания живописи, но на этих произведениях часто оттачивается мастерство и поиск своего стиля. Картина Алекса пока не была ничем примечательна и мужчина просто рассматривал хлеб, яйца и нож с рюмкой на небрежно разложенной салфетке.

– А почему здесь оказалась рюмка? – громко спросил он.

– Да, это я ему дала. – улыбнулась Елена, выглядывая из кухни.

– Ничего более подходящего не нашли для ребенка? – рассмеялся мужчина.

Женщина еще раз улыбнулась, покачала головой и снова скрылась в проеме.

Губернатор прошелся по комнате, разминая спину и остановился около буфета. Он уже и раньше рассматривал фотографию молодого мужчины, которая была за стеклом и, поэтому только скользнул по ней взглядом.

– Может хотите что-нибудь почитать? – снова выглянула из кухни радушная хозяйка.

Господин Райле вопросительно посмотрел на нее.

– В другой комнате стоит книжный шкаф. – произнесла она.

Мужчина кивнул головой и направился в кабинет.

Когда он вошел в небольшое помещение, то увидел деревянные книжные шкафы, письменный стол и коричневый кожаный диван, покрытый покрывалом из небеленого льна.

На стене висело несколько гравюр с видами моря и еще один портрет мужчины, которого он уже видел на фотографии в буфете. На стуле, который стоял около дивана сидела тряпичная кукла в вязаном платье, чепчике и носочках, а на спинке висела детская одежда. Господин Райле подошел к книжному шкафу и начал рассматривать корешки книг. Здесь было много справочной литературы и атласов, но встречались и художественные произведения, авантюрные и любовные романы.

– Кто собирал Вашу библиотеку? – спросил он Елену, когда она зашла за одеждой Катарини.

– По-моему, она собиралась сама. – с легкой усмешкой ответила та.

– Вам подбрасывали под дверь книги? – улыбнулся губернатор.

– Ну, не так буквально. – покачала головой женщина. – Книги по морскому делу, конечно, покупал муж, а вот художественную литературу или приобретала я по случаю или кто-то мне дарил.

– Вы читаете любовные романы? – пряча улыбку в усы, спросил господин Райле.

– Честно? – прищурилась женщина.

– Хотелось бы. – покачал головой собеседник.

– В далекой молодости. – смущенно ответила та. – Видимо пресная жизнь провинциального городка располагает к тому, чтобы грезить о любви.

– С принцем на белом коне? – улыбаясь одними глазами, поинтересовался губернатор.

– Вот такие фантазии, если честно, меня никогда не посещали. – рассмеялась мать Алекса.

– Почему? – внимательно посмотрел на нее губернатор.

– Видимо, чтобы мечтать о принце, – вздохнула Елена, – нужно быть самой принцессой.

А у меня хоть и дворянская кровь, но не царская.

Женщину улыбнулась, взяла одежду Катарини и вышла из комнаты.

Мужчина достал «Охотников за каучуком» Луи Буссенара и вернулся в комнату, где была Елена с детьми.

Алекс заканчивал свой натюрморт, Катарина сидела на диване и сматывала распутанные нитки в моток, а Елена сидела за столом и что-то записывала в тетрадь.

– Пишете новую сказку? – поинтересовался мужчина, присаживаясь напротив.

– Нет. – тихо рассмеялась женщина. – Все гораздо банальнее. Записываю расходы, чтобы потом не было путаницы с деньгами. Стараюсь не тратить лишнего. – добавила она.

– Очень разумно. – кивнул головой губернатор. – Вот, если бы наш городской так же относился к своей работе, то может дом Макияври и не сгорел до тла.

– Вы ищите ему замену? – поинтересовалась Елена.

Господин Райле положил книгу на стол и кивнул головой.

– Есть кто-нибудь на примете? – серьезно спросила мать Алекса.

– Почти согласился. – кивнул головой собеседник. – А то пришлось бы мне Вас просить на это место. – с легкой иронией добавил он.

– Меня? – расхохоталась она. – Разве есть где-нибудь городничии женщины?

– Вы были бы первой. – напущенно серьезно проговорил губернатор. – Все когда-нибудь бывает впервые. Раньше-то и автомобилей не было.

– Ну, их и сейчас не очень много. – уточнила Елена.

– Но все же есть. – улыбнулся господин Райле.

– Да. – согласилась мать Алекса и, извинившись, продолжила свое занятие.

В комнате было очень тихо и было слышно, как тикают часы и потрескают дрова в камине. Мужчина открыл книгу и углубился в чтение.

Через час нужно было собираться к дядюшке Унто и Елена по очереди водила детей в кабинет, чтобы те переоделись.

– Теперь моя очередь. – проговорила женщина и скрылась за дверь.

Когда Елена появилась в проеме, то губернатор только прищурился и покрутил пушистый ус.

– Не нравится? – обратилась к нему женщина, за последнее время привыкшая к тому, что мужчина часто делает ей комплименты.

– Милая Елена. – проговорил тот улыбаясь. – Если бы мне такой вопрос задала госпожа Суккери, то я бы несколько не удивился, а разве такая умная и тонкая женщина, как Вы не прочитала у меня все во взгляде? – добавил он и пристально посмотрел на хозяйку дома.

Елене стало неловко от взгляда и от того, что она сама завела этот разговор и, покраснев, обратилась к детям, чтобы те шли одеваться в прихожую.

– Нам можно в туфлях ехать? – спросила Катарина.

– У нас наступило лето? – удивилась Елена.

– Но ведь мы на машине поедem, а в кондитерской у дядюшки Унто тепло. – похлопала глазами девочка.

– Фейерверк вы потом смотреть не будете? – с легкой иронией проговорила женщина.

Дети переглянулись и попросили рассказать об этом поподробнее.

Елена, державшая в тайне самый главный сюрприз новогодней ночи, рассказала о том, что взрослые приготовили для них.

После этих слов Катарина взяла сумку и сложила туда обувь.

– Помощница. – погладила девочку по голове Елена.

Пока дети одевались, мать Алекса насыпала еще один кулек пшена для красногрудого приятеля.

– Ты уже давала ему двойную порцию? – удивился мальчик.

– Это я на утро приготовила. – спокойно ответила женщина. – Мы же целую ночь будем у дядюшки Унто.

– Всю ночь. – с придыханием проговорил мальчик. – Я так долго этого ждал.

– Главное, чтобы вы раньше времени домой не попросились. – с улыбкой проговорила Елена.

– Мы же уже спали. – парировал сын.

– Хорошо. – кивнула ему головой мать.

Когда Елена вышла на улицу, то все уже сидели в машине. Она посмотрела на звездное небо, посмотрела на детей, которые приветливо махали ей рукой и улыбнулась.

– Не знаю, что нас ждет впереди, – сказала она сама себе, – но надеюсь, что эта ночь принесет много радости Алексу с Катариной.

Глава 3

Шел мелкий снег, который оседал на еловом лапнике, украшающем вывеску кондитерской, а за стеклянной витриной, где были выставлены рождественские и новогодние десерты можно было разглядеть тех, кто уже пришел на праздничный вечер. Гостей было еще не так много, и поэтому они стояли вокруг дядюшки Унто, который им что-то рассказывал.

– Как красиво! – выдохнула девочка, когда вышла из машины.

Алекс прильнул к стеклу и начал перечислять тех, кого он увидел.

– Там дедушка Унто, господин Шульц и еще какой-то господин с дамой. – произнес он.

– Получается, мы приехали в числе первых. – улыбнулась Елена.

– Точность – вежливость королей. – проговорил губернатор. – Даже, если они не имеют голубой крови. – усмехнулся он в усы и посмотрел на женщину.

– Все смеетесь? – уловив иронию, обратилась она к нему.

– Чуть-чуть. – ответил тот. – Ведь праздник все же.

– Даже, если я поймаю стрелу выпущенную царевичем, то все-равно не стану принцессой. – развела руками мать Алекса.

– Так и у меня белого коня нет. – не выдержал и рассмеялся господин Райле, открывая входную дверь для того, чтобы женщина с детьми прошла внутрь.

Колокольчик издал мелодичный звук, и дети первыми вошли в теплое помещение, где витал густой волнующий запах сдобы, корицы, шоколада и других приправ и специй.

– Вот и детки! – воскликнул хозяин кондитерской, направляясь к вновь прибывшим гостям.

Катарина, смущенно улыбаясь, тихо поздоровалась, а Алекс протянул пожилому мужчине руку.

– Привет, дедушка! – радостно воскликнул он.

Дядюшка Унто ответил рукопожатием и поприветствовал Елену и господина губернатора, которые вошли за детьми.

– Всегда рад встречи с Вами. – приветливо проговорил губернатор.

– Запах такой, что голова кругом. – произнесла Елена, поглаживая по плечу пожилого мужчину.

– Старался. – довольно ответил тот.

– А когда ты не старался? – расхохоталась женщина, обнимая кондитера.

– Ну, да. – согласился Унто. – Если за что-то берусь, то всегда хочется сделать это на совесть.

– Наверное, она у тебя очень крупенькая. – не отпуская из своих объятий мужчину, проговорила мать Алекса.

– Кто? – переспросил кондитер.

– Да, совесть! – рассмеялась Елена. – У некоторых она бывает с маковое зернышко, а у тебя не меньше хорошего качана капусты.

– Хозяйка ты моя! – добродушно хохотнул Унто. – Что ты совесть с едой сравниваешь?

– Так она внутри у нас сидит и то, что едим туда же попадает. – с легкой иронией проговорила женщина. – Значит в этом есть какая-то связь.

– Фантазерка. – снова хохотнул мужчина. – Только ты такое могла придумать.

– Ох, уж эти сказочки, – притворно вздохнула женщина, – ох, уже эти сказочницы. – добавила она, наконец, отпустив хозяина кондитерской.

Когда обмен приветствиями был закончен, то дядюшка Унто пригласил гостей пройти в комнату, которая располагалась между кухней и залом, чтобы те смогли переодеться.

В это время пришли Элен с мужем и Алваром и, узнав, что Елена уже здесь, сразу направились в импровизированную раздевалку.

– А мы следом за вами. – произнесла мать художника.

– Следили значит? – улыбнулась ее подруга.

– В нашем городе все только этим и занимаются. – поддерживая иронию, проговорила Элен. – Чем еще заняться в маленьком провинциальном городке?

– Картины рисовать например. – прищурилась Елена и сделала полупоклон в сторону Алвара.

– А, если не умею? – рассмеялась ее подруга.

– Ну, не знаю, что с тобой делать? – укоризненно покачала головой та. – А, что ты хоть умеешь делать-то? – закусил губу женщина.

– Да, ничего особенного. – пожал плечами собеседница. – Полы мыть, есть готовить, за детьми смотреть.

– И все? – еле сдерживая улыбку, поинтересовалась Елена.

– Ну, нет. – покачала решительно головой женщина.

Мать Алекса вопросительно взглянула на подругу.

– Ну, – медленно проговорила та, – шить, вязать, вышивать, перелицовывать. – на минуту замолчала она и все в ожидании продолжения перечислений замерли. – Грядки копать, гвозди забивать, крышу чинить, ограду... – снова замолчала женщина. – А вот ограду-то и не могу отремонтировать – она же у нас кованая! – расхохоталась Элна.

– Да, и этого хватит! – обнимая подругу, проговорила Елена. – Элночка у нас тоже не принцесса. – добавила она, хитро взглянув на губернатора.

– Не повезло мне с дамами. – пряча улыбку в усы, проговорил тот.

– Будете искать? – поинтересовалась мать Алекса.

– Обойдусь этими. – рассмеялся господин Райле и галантно поклонился.

– Выбор за Вами. – произнесла Елена, улыбаясь одними глазами.

– Несомненно. – кивнул головой тот.

Поставив точку в шутилке перепалке, господин Райле пожал руку художнику и поздоровался с его отцом.

– Рад Вас видеть. – ответил ему высокий плечистый Хейно и от смущения покраснел.

Кузнец, который славился на всю округу своими коваными оградами, стеснялся своего недворянского происхождения и еще больше смущался, если ему приходилось произносить хоть пару слов на публике. Муж Элны редко покидал свои мастерские, и только желание сделать приятное своей жене, которую он очень любил, смогло привести его в такое место, где будет много людей, на празднование Нового года.

Вскоре компания переместилась в зал, где появилось семейство Эмановых. Сначала в кондитерскую вошли дети Гургена – мальчик и девочка лет шести, которые были очень похожи друг на друга. Девчушка была одета в длинную белую песцовую шубку и такую же шапку, а от черного норкового пальто парнишки невозможно было отвести глаз. Маленький наследник ювелирного дела не придавал большого значения своей одежде и, поэтому, как только вошел в теплое помещение, так сразу сбросил ее на пол.

– Что ты делаешь? – дернула его за рукав бархатного пиджака сестра.

– А что? – надул пухлые губы мальчуган, прищурив свои темно-карие глаза.

– Нельзя на пол одежду бросать. – продолжала свои нравоучения девчушка.

– Молчи женщина. – тихо фыркнул на нее тот.

После такого обращения девочка всплеснула руками и обернулась к матери, чтобы пожаловаться на брата.

Медлительная полная женщина внимательно выслушала дочь и подозвала к себе сына.

– Нельзя говорить такие слова Карине. – спокойно проговорила она.

– Почему? – засунул руки в карманы бархатных брюк мальчуган. – Вы же говорите, что я мужчина, а значит она женщина. – парировал смысленный малец.

Жена Гургена на минуту задумалась, а потом сказала, что называют его так, для того, чтобы он смог быстрее повзрослеть.

– Ну, Каринка же тоже будет женщиной. – не отступал парнишка.

Его мать тяжело вздохнула и попыталась объяснить, что сначала девочка становится девушкой, а уже потом женщиной.

– Я должен говорить: молчи девушка? – поморщился мальчик.

– Вообще приказывать нехорошо. – покачала головой женщина и показала жестом, чтобы сын поздоровался с присутствующими.

Мальчуган повернулся к хозяину кондитерской и громко произнес приветствие.

– И тебе добрый вечер, маленький господин. – шутиливо ответил тот ему и взглянул на его отца, который глаз не сводил со своего наследника.

После обмена любезностями дядюшка Унто в честь уважения к прибывшим гостям сам повел их в комнату для переодевания, а в это время дверь распахнулась и на пороге появились циркачи.

Бывший акробат деликатно поддерживал миниатюрную Луизу за локоть и, глядя на него, хотелось улыбаться. Такие радостные лица редко можно увидеть на улице, и ни у кого из присутствующих не возникло даже и тени сомнения в том, что они видят по-настоящему счастливого человека. Он уже не был похож на щенка спаниеля, с развевающимися от бега ушами, его чувства окрепли и тихим светом озаряли все вокруг и в первую очередь ту, которую он полюбил. Молодой мужчина не кичился тем, что смог вызвать расположение такой особы, но и не желал скрывать того чувства, которое он к ней испытывал. Маленькая Луиза в своей детской заячьей шубке была похожа на подростка, у которого еще вся жизнь впереди. Еще не так давно душа этой миниатюрной женщины была застегнута на все пуговицы, а сегодня ее прелестное лицо было открыто и дружелюбно.

– Луизочка! – воскликнула Елена и легко подбежала к ней. – Как же хорошо, что дядюшка Унто устроил праздник для всех. – поглаживая по плечу дрессировщицу, добавила она.

– А мы как рады! – улыбнулась циркачка. – Не часто нашего брата приглашают на такие торжества, где собирается почетная публика.

– Я человек не молодой и достаточно обеспеченный. – подал голос хозяин заведения. – На свои праздники могу приглашать кого сам хочу видеть. – чуть усмехнувшись, добавил он.

– Поэтому здесь не будет людей, которые могут испортить нам настроение. – улыбнулась мать Алекса.

– Уверены? – с легкой иронией проговорил ювелир, который вернулся в зал.

– Ты снова будешь со мной спорить? – улыбнулся кондитер.

– Ну, что же делать, если я варю самый лучший в городе кофе. – улыбнулся Эманов.

– Что же ты тогда ювелирный магазин, а не кондитерскую держишь? – с легкой иронией проговорил дядюшка Унто.

– Нельзя разбрасываться талантами. – спокойно ответил собеседник.

– Снова ты об этом заговорил! – воскликнул хозяин заведения. – Чтобы положить этому конец я вызываю тебя на поединок.

– Когда? – пожал плечами Гурген.

– Сегодня! – распетушился старый Унто и только вмешательство губернатора смогло остудить немного пыл спорщиков и объявить временное перемирие.

В это время зашли еще двое гостей, которым хозяин должен был уделить внимание, а ювелир, оставшись без соперника, вернулся к своей семье, которая держалась пока ото всех особняком.

Глава 4

Снег, который сначала медленно падал и изысканно украшал своими кристаллами еловые ветки на вывеске кондитерской, пошел сильнее и уже скоро на улице завьюжило. Никому из гостей дядюшки Унто не приходило в голову подойти к витринному стеклу. Поэтому женщина невысокого роста в длинной темной юбке, таком же платке и, не подходящей к этому одеянию, элегантной шубке осталась незамеченной. Она стояла на улице и спокойно разглядывала всех, кого видела за окном. У этого спектакля не было режиссера, но декорации к нему выполнял дядюшка Унто, сам об этом не подозревая. Пряничные домики с сахарной ватой на крышах, рождественская елка и печенье в виде лесных зверушек, заполняли все пространство между стеклами.

Женщина подошла вплотную к окну и со стороны могло показаться, что она заинтересовалась тем, что было выставлено на витрине. Велламо Суккери, а это была именно она, незаметно кивала головой и что-то еле слышно бормотала.

– Какая теплая компания собралась. – бубнила она себе под нос. – Этот выживший из ума старикан собрал людей, которые не должны находиться вместе. Губернатор и самый богатый человек в городе – ювелир Эманов не могут веселиться среди босяков из бродячьего цирка. Ну, все остальные не имеют власти или огромного состояния, и поэтому вполне могли бы составить компанию лицедеям, но эти двое должны были отказаться от участия в этом сборище. Унто еще бы торговцев с рынка или лесосплавильщиков пригласил. – усмехнулась она. – Вот бы они все вместе повесилились. Неужели непонятно, что у знатных людей должно быть особое окружение? Не удивлюсь, если узнаю, что все это задумала Коскинен, которая пока имеет какое-то влияние на губернатора.

«Пока.» – вздохнула Велламо.

Ей не нравилась публика, которая находилась сейчас в кондитерской, но она многое отдала бы, чтобы оказаться среди них. Глядя сквозь стекло, как господин Райле говорит о чем-то с Еленой, женщина морщилась, как от зубной боли. Она не считала обычную домохозяйку своей соперницей, потому что эта простушка не могла сравниться с ней ни в красоте, ни в уме ни в умении себя подать. Просто в силу определенных обстоятельств у той пока было преимущество в том, что она больше проводила времени с губернатором, а у самой госпожи Суккери никак не выходило обрести знакомых, которые бы помогли войти в доверие этого мужчины. Размышляя о своем, она не забывала напоминать всех тех, кто сейчас находился на празднике у старого Унто, ведь любой из этих людей мог стать пешкой в ее игре. Безусловно можно было бы и самой найти точки соприкосновения с интересами губернатора, но важно не спугнуть эту знатную птицу, для которой госпожа Суккери вскоре начнет расставлять силки. В этот момент женщина была похожа на военачальника, которому была обозначена задача, не показывая своих позиций, дожидаться времени, когда можно будет начать атаку. Что это будет за война, сколько она будет длиться, и кто окажется победителем, никто сказать не мог, но Велламо не привыкла проигрывать и, поэтому была готова действовать не только четко по своему плану, но и менять тактику в зависимости от ситуации.

В кондитерской же в это время Штефан рассказывал о том, как тигрица привыкала к новому месту и все внимательно его слушали, изредка задвая вопросы. Луиза, которая была непосредственным участником этой истории сначала дополняла своего друга, но потом случайно посмотрела на окно и не увидела, но почувствовала, что за ним кто-то стоит. Велламо Суккери была в более выгодном положении, чем гости в кондитерской. Циркачка стояла далеко от витрины и не могла разглядеть того, кто стоял на улице, да и свет в помещении был лишней помехой этому.

Из-за любви Штефана дрессировщица последнее время ощущала гармонию между собой и внешним миром и вдруг у нее встал комок в горле и ей стало трудно дышать. Миниатюрная женщина уже стала забывать те ощущения, когда она кожей чувствовала опасность, и поэтому с испугом взглянула на Штефана.

«Неужели счастье, которое только показало свою верхушку может закончиться?» – подумала она.

За пару секунд перед ней промелькнула вся ее жизнь и возник и испарился образ бабушки Суви, которая давно не давала ей никаких советов. Луизе боялась даже думать о том, что может случиться, и поэтому заставила себе пересчитывать все десерты, которые попадались ей на глаза. Когда усилием воли страх за близкого человека был подавлен, то женщина постаралась понять откуда в ней возникло это чувство тревоги. Глядя на эту красивую женщину в красном бархатном платье с пышной юбкой, которая доходила до тонкой щиколотки нельзя было догадаться о чем она думает. Она мило улыбалась каждому на кого смотрела, а сама внутренне сжималась в комок и садилась на корточки, чтобы попытаться разобраться в своих ощущениях. Ей обязательно нужно было почувствовать себя ребенком, чтобы увидеть то, что невидимо глазу.

Минут через пять она облегченно вздохнула и, продолжая приветливо улыбаться, сначала отошла к другой группе людей, а затем подошла к витрине, за которой стояла Велламо.

Только стекло разделяло двух этих женщин, которые стояли напротив друг друга и, если бы не свет в кондитерской, то скорее всего госпожа Суккери не выдержала бы пристального взгляда Луизы, который был подобен точному выстрелу из лука. Велламо не ожидала, что к окну подойдет именно циркачк, а про которую городничая даже говорила шепотом. Госпожа Суккери верила только себе, и хоть сплетни и любила, но принимать решение привыкла сама, и поэтому сначала немного отпрянула в сторону, и стала внимательно рассматривать карлицу. К своему неудовольствию, она отметила, что это подобие человека достаточно красиво и похоже на большую фарфоровую куклу, которую сделали на заказ какому-нибудь иноземному принцу. Красный цвет платья был выбран этой пигалицей не случайно, потому что никакой другой цвет так не привлекал к себе внимания. С ее маленьким ростом ей было необходимо надеть что-то, чтобы не затеряться среди высоких дам, и этот акцент был правильным и точным.

«Не дура. – сделала вывод Велламо. – Привыкла к поклонению публики и пытается и здесь устанавливать свои права. Ну, что ж, – усмехнулась она. – всегда приятно иметь достойного соперника. Хорошо, когда можно увидеть врага в лицо, чтобы понять на что он способен.»

Госпожа Суккери была настолько уверена в том, что она отличный стратег, что ей и в голову не могло придти, что кто-то, не зная о ее планах, будет стараться помешать ей. Женщина подняла воротник красивой шубки, которая плохо согревала ее на сильном морозе и улыбалась собственным мыслям.

Луиза, которая стояла около витрины, вдруг быстро добежала до входной двери и, распахнув ее, выглянула на улицу. Велламо Суккери не ожидала такого поворота событий, и машинально повернула голову к дрессировщице. Через секунду она пришла в себя и, отвернувшись, пошла прочь, но циркачке было довольно того, что она смогла увидеть. Миниатюрная женщина вернулась в теплое помещение, стараясь запомнить лицо незнакомки, которая наблюдала за всем происходящим.

«Это не просто прохожая, – думала она, – это человек, который подготовился к тому, что будет долго стоять на улице. В таких юбках и платках ходят простые горожанки, а на этой даме была дорогая шубка, которая по карману единицам. Для чего эта небедная женщина пришла в предпраздничное время под окна кондитерской? За кем наблюдала она через стекло?»

Когда захочешь помочь кому-то, то не думай что делать – нельзя оступиться с дороги жизни, если ты идешь к намеченной цели. – вдруг явственно услышала Луиза голос саамки.

Давно я тебя не слышала. – подумала она и слезы навернулись у нее на глазах.

Ты растила цветок любви, и мне нечему было тебя учить.

Ты же говорила, что невозможно научиться всему.

После слова всегда идет дело, которым ты и была занята.

А теперь я свободна? удивилась Луиза.

Зерно в земле и должно пройти время, чтобы сад расцвел.

Значит ты отрываешь меня от дел? – чуть усмехнулась дрессировщица.

Человек не может жить только среди цветов.

А как бы хотелось. – вздохнула Луиза.

Невозможно быть райской птичкой, если ты родился кротом.

Я крот?

Он дает воздух корням, чтобы деревья росли и рождался прекрасный сад, который будет радовать и тебя.»

Дрессировщица улыбнулась собственным мыслям и подошла к Елене, которая разговаривала с молодой женщиной в темно-синем платье, которая пришла на этот праздник одна.

– Познакомься, Луиза, – обратилась к ней мать Алекса, – это госпожа Калела.

– Эльза. – просто ответила та, приветливо улыбнувшись циркачке. – Я попала на этот праздник совершенно случайно и совсем никого здесь не знаю. – смущенно добавила она.

– Как говорила моя бабушка Суви в этом мире не бывает случайностей, – спокойно проговорила Луиза, – просто люди не хотят оглядеться кругом, чтобы увидеть для чего с ними это случилось.

– Конечно, это не случайность. – покачала головой Елена. – Не должна молодая женщина грустить в праздничный день. С ее мамой я познакомилась на остановке, когда ездила к вам в город за подарком Алексу. – объяснила она дрессировщице. – А когда случилось несчастье у Макияври, то познакомилась и с Эльзой.

– Кроме денег я не смогла оказать никакой помощи. – пожалала плечами молодая женщина.

– Были люди, которые говорили в тот момент какие-то слова, а кто-то подходил и спрашивал, чем можно помочь. – проговорила мать Алекса. – Эльза пришла ко мне домой: убедилась, что Катарина и правда живет у меня, и вручила конверт с деньгами.

– Но ребенок остался совсем раздетый в мороз. – тяжело вздохнула женщина. – Я не знаю, чем еще могу помочь этому ребенку.

– Вы сделали лучшее. – улыбнулась ей циркачка. – Цветы нужно поливать вовремя, а не тогда когда они уже засохли. Поэтому Вы здесь не случайный, а самый что ни на есть необходимый человек.

– Конечно. – улыбнулась Елена. – Пойдемте я Вас со всеми познакомлю. – и она увлекла женщину к другим гостям.

Луиза огляделась по сторонам и заметила, что за ней наблюдают маленькие Эмановы. Дрессировщица улыбнулась и подошла к многочисленному семейству.

– Здравствуйте. – приветливо произнесла она.

– Мы Вас видели в цирке! – громче, чем нужно произнес Давид.

Разговоры в кондитерской стихли и все посмотрели на мальчика.

– Нужно говорить тише. – с укором проговорила мать.

– Ребенок ничего плохо не сделал. – заступилась за парнишку дрессировщица. – Дети очень часто вскрикивают от радости или хлопают в ладоши, когда видят меня. – пояснила она.

– Правда? – обратился к ней глава семейств, а который души не чаял в своем отпрыске.

– Конечно. – кивнула головой циркачка. – А ты был на представлении в этом городе или вы приезжали и в М?

– И здесь и туда. – дружелюбно проговорила мать мальчугана, которая была благодарна дрессировщице за то, что она заступилась за ее горячо любимого сына.

Дети у четы Эмановых появились, когда они были уже в достаточно преклонном возрасте и, поэтому отец с матерью не могли надыхаться на них. Но если Гурген при виде сына терял способность смотреть на вещи трезво, то Флора изо всех сил старалась не утонуть в любви, которая может нанести только вред. Поэтому чаще всего она сама разбиралась со всеми шалостями ребятишек и занималась воспитанием, не привлекая к этому супруга.

– Что-нибудь понравилось? – обратилась Луиза к брату и сестре.

Давид с Кариной начали наперебой рассказывать о своих впечатлениях, а старый Гурген, когда увидел, что его отпрысков никто не обижает, наконец успокоился и отошел от своих родственников.

Глава 5

Елена подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу и увидела, как Гурген подошел к хозяйину заведения. Невысокий сухонький мужчина был одет в такой же бархатный костюм, как и его сын, и лаковые ботинки. Обувь старый ювелир заказывал уже много лет у одного и того же мастера, который делал выше не только каблуки, но и изготавливал особую стельку, и та, хоть на немного, но увеличивала рост господина Эманова. Хотя Гурген и производил с виду очень уверенного в себе человека, но рядом с крупными людьми ему хотелось выглядеть более внушительно. Ни поправиться, ни вырасти он уже не мог, и поэтому нашел другой способ прибавлять себе несколько сантиметров. Со стороны это выглядело почти незаметно, но старому ювелиру казалось, что он выглядит более солидно. В детстве маленький рост ему сначала не мешал, потому что все старались опекать его, но когда подошла пора влюбляться, то оказалось, что девушки, которые ему нравились не видели в нем достойного кавалера и отдавали предпочтение высоким плечистым парням. Гурген, обладающим гибким умом, именно тогда и придумал обувь, за которую ему приходилось переплачивать вдвое дороже, чтобы становиться значительнее в глазах окружающих. И хотя первые красавицы так и не снизошли до молодого человека, работающего в то время подмастерьем у ювелира, но обычные девушки не гнушались знакомством с ним, и у него появился выбор невест, из которых он и выбрал свою Флору. В молодости жена Гургена была стройной, как лань, и обладала милым лицом и большими карими глазами, которые смотрели на мир с некоторой опаской. Флора росла в семье, где всем заправляла старая Шушан, а которая была матерью ее отца. Сгорбленная маленькая женщина обладала недюжинной силой воли и убеждением в том, что в доме должен быть один хозяин чьи функции она возложила на себя, не спрашивая на это разрешения домочадцев. Сухонькую старушку во всем слушался ее единственный сын и его жена, а уж про детей и говорить было нечего. Флора была старшей дочерью Унана и Анаид, и поэтому ее главной обязанностью в доме было присматривать за младшими. Те часто шалили, и за их проказы доставалось ни в чем не повинной Флоре, которую лишали воскресных прогулок с подругами. Когда девочка была помладше, то она часто расстраивалась из-за этого, но потом привыкла к тому, что редко встречается со сверстницами. В каждой семье в той местности, где родилась Флора держали коз, и нужно было с утра отводить животное на пастбище, а вечером забирать его. Когда подходила очередь Флоры, то она всегда с удовольствием выполняла это поручение, потому что тогда ее на целый день освобождали от присмотра за детьми, и она могла задержаться на пастбище, объясняя это тем, что искала сочную траву для животного. В разные годы количество коз в семье старой Шушаны менялось в зависимости от нужд семьи. Хоть дела у Унана и шли хорошо: он был прекрасным гончарным мастером, но его матери всегда казалось, что в доме должен быть больший достаток, чем мог обеспечить ее сын. Поэтому Анаид, занималась хозяйством и огородом, а в зимние вечера изготавливала домо-тканые разноцветные половики, которые потом Шушана продавала на ярмарке. В одну такую поездку старуха и взяла пятнадцатилетнюю Флору. Это была предпасхальная торговля, которая шла очень бойко, и довольная старуха отпустила внучку пройти мимо рядов. Девушка шла медленно, рассматривая товары и людей, который их покупали, и остановилась около продавца зеркал. Плечистый высокий черноволосый мужчина прохаживался то вперед, то назад, ожидая покупателей, и когда Флора остановилась возле его прилавка, сразу начал расхваливать свои зеркала, показывая девушке, и одно, и другое. Флора, не привыкшая к такому вниманию, вся зарделась и, чтобы не выдавать своего смущения, взяла в руки зеркало, которое ей протянул продавец и посмотрелась в него. Она не заметила, что солнечный луч отразился в зеркале и ослепил на мгновение молодого человека, который шел сзади нее. После того, как юноша вновь обрел зрение, он осмотрелся кругом, чтобы найти причину внезапной слепоты. В это

время Флора обернулась, и их взгляды встретились. Позже Гурген будет говорить, что девушка ослепила его своей красотой, отразившейся в зеркале, но это будет спустя несколько месяцев, а в тот момент он посмотрел на миловидную покупательницу, улыбнулся и подошел познакомиться. Через час они расстались и встретились снова через полтора месяца. Молодой человек за это время узнал подробно о семье Флоры и о самой девушке, а той было и невдомек, что вторая встреча на ярмарке была уже не случайна, а просчитана дальновидным Гургеном, которому хотелось взять в жены скромную и работающую девушку. У молодого Эманова были далеко идущие планы, но из-за того, что у него не было первоначального капитала, его мечта о магазине ювелирных украшений и большом доме с колоннами могла растянуться на долгие годы. Поэтому ему нужна была девушка непритязательная, которая поддерживала бы мужа во всех начинаниях. Флора, как нельзя лучше подходила на роль его жены, да к тому же имела приятную внешность. У молодого человека было на примете еще две невесты, но одна была единственной дочерью у родителей и Гурген боялся, что та не будет ему поддержкой, потому что привыкла, что во всем слушаются только ее, а у другой был крючковатый нос, что придавало ее лицу зловещее выражение. Когда Эманов решил, что Флора подходит ему больше других, то он начал действовать и для начала решил подружиться со старой Шушанной, голос которой был решающим. Для этого ему пришлось устроиться на пару дней продавцом корзинок. Его торговое место было рядом с бабушкой Флоры, и ему не составило большого труда сначала познакомиться со старой женщиной, а потом стать ей полезной. Всю дорогу до дома старуха вспоминала угодливого молодого человека, который не только уважает старость, но и имеет талант продавца. Когда на осенней ярмарке Шушанна снова встретилась с Гургеном, и он заговорил о сватовстве ее внучки, то старуха хоть и приняла это без восторга, но и не отказала бойкому юноше. Старая женщина, которая могла держать весь дом в своем подчинении, сразу заметила у молодого человека желание и возможности добиваться своего, и поэтому решила в свою очередь тоже побольше разузнать о нем. Старшую внучку хоть и держала она в строгости, но совсем не желала ей худшей доли.

Несмотря на то, что молодой Эманов был древнего армянского рода, жили они с матерью небогато, потому что отец спустил все состояние. Мужчина был большим поклонником певички из местной ресторации, и когда однажды он не вернулся домой, то мать Гургена с облегчением вздохнула, потому что от мужа она не видела ни любви ни денег. Благородной женщине приходилось подрабатывать прачкой, чтобы кормить двух детей, и мальчик знал цену деньгам и уже вскоре задумался о поиске работы. Сначала он устроился в подмастерье к жестянщику, но быстро понял, что это не его стезя и, когда дальний родственник матери ювелир Аракел предложил пойти к нему в ученики, то Гурген, не задумываясь, перешел к нему. Старинный род князей отложил отпечаток на юном Эманове, и тому не составляло никакого труда выбирать из ювелирных изделий лучшие. Мальчик немного рисовал и часто делал зарисовки того, что можно было сделать из благородного металла и драгоценных камней. Старый Аракел очень быстро стал доверять своему ученику работу, которую раньше выполнял только сам. Гурген вскоре стал правой рукой хозяина, и получал достаточно денег, чтобы жить с матерью, не шикуюя, но и не экономя каждую копейку. Молодому Эманову нравилось то, чем он занимался, только с каждым годом ему все труднее и труднее было работать под началом Аракела, у которого дела шли неплохо и поэтому он не менял консервативных взглядов на изготовление новых изделий. Гурген хотел бы открыть свою маленькую мастерскую, но для этого нужен был солидный капитал. Драгоценные камни и благородные металлы стоят намного дороже, чем железо для работы жестянщика, и поэтому одних много, а других единицы. Юноша решил во что бы то ни стало открыть свое дело, и для этого откладывал понемногу каждый месяц. Мать очень гордилась своим сыном и изо всех сил старалась помочь в осуществлении его мечты, стараясь на всем экономить.

Целеустремленность молодого Эманова была по душе старой Шушане и, когда тот пришел узнавать о том, может ли он посвататься к Флоре, то услышал положительный ответ, правда, с оговоркой, что должен подождать, когда девушке исполнится семнадцать лет. Эти полтора года Гурген брался за любую работу, чтобы откладывать теперь еще и на свадьбу. Когда наконец он пришел в дом к своей невесте, чтобы попросить ее руки у родных, то преподнес ей серебряное колечко, которое сделал сам. Флоре было приятно, что молодой человек старинного рода сватается к ней, но кроме дружеских чувств она к нему ничего не испытывала.

Через полгода сыграли свадьбу и Флора переехала в большой дом Эмановых, где жили его мать и младшая сестра, которой на тот момент было столько же лет сколько было и ей, когда она впервые увидела Гургена. Не избалованная девушка пришлась ко двору, и вскоре женская половина Эмановых не представляла, как раньше обходилась без услужливой Флоры. Вскоре и к младшей сестре Гургена начали присылать сватов, и старший брат на правах главы семьи старался выбрать лучшего. Но, к несчастью, через их городок проезжал господин, который увидел сестру Гургена, похожую в то время на нежный бутон лотоса и влюбился в нее. Как ни старался отговорить старший брат свою сестру от необдуманного шага, но та заявила, что выйдет замуж только за Рубена, который обещал девушке и ее родным, что счастливее ее не будет никого на всем белом свете. Гурген, как и старая Шушана хотел поставить сроки, после которых можно было играть свадьбу, но молодые заявили, что им не нужны пиршества и, быстро обвенчавшись, уехали на родину мужа. Когда через семь лет Зара вернулась в дом матери с новорожденным на руках, в семье Эмановых никто этому не удивился и, только досаждали сплетни соседей, которые так или иначе доходили до их слуха. Вскоре на семейном совете решили уехать из этого города подальше от любопытных глаз, и Гурген начал узнавать куда лучше им было бы отправиться. Умный Эманов понимал, что дело, которым он хотел заниматься будет процветать только там, где люди смогут позволить себе дорогие украшения и, поэтому у всех проезжих купцов расспрашивал о том, где был бы богатый край. Гурген долго все взвешивал, прежде чем пуститься почти на другой конец земли, но потом он ни разу не пожалел о том, что приехал в этот суровый край. Суммы денег, которая появилась после продажи дома в родном городе хватило на хороший участок земли, небольшой домик и материал, нужный для работы. Сначала Гурген делал простые вещицы, которые у него покупали местные горожане, но потом пришел заказ на ювелирное украшение, и мастер постарался вложить туда всю душу. Покупателю понравилось изделие, и он начал расхваливать Эманова всем своим знакомым. С этого момента Гурген привлек свою сестру к изготовлению простых вещиц, а сам занялся творчеством. Теперь долгие ночи были полны смысла жизни, потому что к появлению каждого изделия он относился, как к рождению ребенка. Смог бы он чего-нибудь добиться, если бы дети у него появились раньше – Гурген не знал. Часто великие мастера или не имеют потомков или бывают неважными родителями, а господину Эманову предоставился тот уникальный случай, когда он смог вырасти в мастера, а потом на себе ощутить и понять, что никакие творения в мире не могут сравниться с рождением человека, который является продолжателем твоего рода. Флора с мужем уже давно смирились с тем, что у них нет детей. Они радовались тому, что есть племянник от непутевого супруга Зары, и относились к нему, как к родному сыну. Жена Гургена не сразу и поняла, что беременна, потому что первые месяцы все было, как обычно. Говорят, что дети, которые очень хотят родиться, могут не выдавать себя вплоть до родов. Видимо такой случай был и у Эмановых. За полнотой Флоры не было видно округлившегося живота, и чувствовала она все это время превосходно. За год до этого умерла мать Гургена, и когда родилась девочка, то новоиспеченная мать предложила назвать ее как и бабушку, но Эманов расценил это как вмешательство в загробную жизнь, и малышке дали другое имя. Сына Гурген хотел назвать Амазасап – «Победоносно идущий защитник», но вместо этого все называли мальчугана-любимым, и когда через месяц записывали в книгу о рождении, то отец провозгласил, что младший Эманов будет именоваться Давидом. К рож-

дению детей у Гургена уже был достаточный капитал, и он начал строительство дома, о котором так давно мечтал. Восточная натура требовала широкого размаха, и поэтому он заказывал только самое лучшее, надежное и дорогое. Несмотря на то, что все семейство ютилось в том же небольшом домике Гурген даже не собирался спешить, чтобы переехать в просторный дом. Когда детям исполнилось три года, мечта всей семьи осуществилась и у Эмановых началась новая жизнь. Дело Гургена после переезда только расширилось, и вскоре ювелир стал одним из самых богатых людей в округе. Это была долгая дорога к успешной жизни, и только родные и близкие могли знать, как непросто складывались обстоятельства, которые могли бы быть препятствием, а на самом деле были ступеньками для восхождения к благополучию. Гурген был благодарен своей семье за то, что они не роптали все это время, а во всем его поддерживали, но в силу своей сдержанности и боязни сглазить то, что они имеют, мужчина старался держаться так, как будто ничего в его жизни особенного не произошло. Скромные Зара с Флорой и не требовали от него ничего. Сестра была благодарна за то, что брат ни разу не упрекнул ее тем, что она ушла от мужа с маленьким ребенком, а Флора со временем очень полюбила своего мужа, который не говорил громких слов, но все делал для того, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Она видела его преданные глаза, и мудрой женщине было достаточно того, что читала во взгляде. Видимо за эту простую любовь наконец и они получили неожиданный подарок—прелестных двойняшек, которые смущали разум отца и согревали душу матери. Кто-то сказал, что женщина с детьми подобна духам, которые оставляют после себя длинный шлейф аромата. Когда Флора вкусила радость материнства, то, скорее всего у нее был терпкий древесный запах с нотками ванили, которая просветляет разум и делает человека мудрее.

Когда Гурген отошел от них, то она уже спокойно смогла говорить с Луизой о детях, искоса поглядывая на мужа, который остановился около дядюшки Унто.

Глава 6

Соперничество в умении варить кофе у кондитера и ювелира возникло с тех пор, когда Эманов приехал в этот город и зашел первый раз к Унто. Кондитерская еще не принадлежала Халонену, но к делу он подходил расчетливо, и поэтому уже тогда вел переговоры с владельцем здания, чтобы приобрести его в рассрочку. Дядюшке Унто в ту пору было сорок шесть лет и его десерты уже славились на всю округу.

Гурген приехал тогда в первый раз, чтобы разузнать все об этом месте, и если возможно, то договориться о покупке жилья. Он заказал у Халонена плотный завтрак и чашку крепкого кофе. Когда Унто принес его заказ, то Эманов? как и положено человеку с Востока долго и витиевато говорил комплименты хозяину и его заведению, чтобы поближе познакомиться.

Через час Гурген знал, где продается хорошая земля с небольшим домиком и, поблагодарив хозяина, пообещал его научить в следующий раз варить настоящий кофе. Унто, услышав такие слова в свой адрес, еле сдержался, и только отметил, что все клиенты всегда были довольны.

– Кто же на севере умеет варить этот чудесный напиток? – искренне удивился Гурген, который хотел поделиться своим рецептом из чувства благодарности, но не правильно сформулировал мысль.

– Любовь к изысканному напитку может разбудить желание научиться его правильно делать. – стараясь говорить, как можно спокойнее, ответил Халонен.

– Но у нас этим занимаются издавна, – пожал плечами Эманов, – и рецепты в семье передаются из поколения в поколение.

– И от этих бумажек кофейные зерна становятся ароматнее? – с легкой иронией спросил Унто.

– Но там прописаны все пропорции и рекомендации к действию. – закусил губу Гурген, не понимая, почему кондитер упорствует и не хочет признать, что на Востоке традиционно варят кофе лучше.

– Можно научить ремесленничеству, но не творчеству. – продолжал иронизировать Ханонен.

– Вы думаете, что мы не вкладываем в это процесс душу? – уже начиная закипать, поинтересовался Эманов.

– Это Вы сказали. – спокойно ответил сорокашестилетний мужчина. – Разве я могу обвинять человека в том, что он не умеет варить кофе, даже не попробовав.

– Я должен привезти для этого свои зерна. – еле сдерживаясь, проговорил Гурген.

– Знаю, что бывают крапленые карты. – чуть прищурившись, произнес Унто. – А вот про кофейные зерна слышу впервые.

Чтобы не наговорить кондитеру резких слов, Эманов, положив крупную купюру, выскок из кондитерской.

– Нужно купить на эти неожиданные чаевые еще зерен. – усмехнулся сорокашестилетний мужчина. – Эти восточные люди такие невыдержанные и вспыльчивые. – почесал он лоб. – Куда им до нас. Сильные морозы приучают к тому, что ко всему нужно подходить основательно, а долгие северные ночи учат неспешному образу жизни.

Когда Гурген перебрался со всем семейством в это место, то поначалу забыл о своем обещании научить кондитера варить кофе. Обустройство дома и дело, которое было в начальной стадии поглотило все его время и первый год проживания в городе N прошел в каком-то тумане. Он жил в жестком режиме, в котором не было ни одной свободной минуты, и этому графику подчинялись и все члены его семейства.

На следующий год, в день рождения своей матери, Гурген привел своих женщин и племянника в кондитерскую, чтобы те смогли полакомиться пирожными, которые славились на всю округу.

Когда Унто увидел Эманова со всем семейством, то не стал вспоминать о прошлом споре. Для мальчика он принес подушку на стул, чтобы тому было удобно сидеть, а женщинам спокойно объяснял, из чего сделано каждое пирожное, и пытался выяснить их предпочтения. К каждому посетителю Хананен старался найти подход, потому что понимал, что его заведение это не просто место, где едят, да и жителей было не так много, и нужно было дорожить каждым. Это уже спустя много лет старый Унто сможет поставить зазнавшегося молодого Тюлькоффа, но тогда он держал удар даже тогда, когда посетители бывали крайне грубы и не нанесли ответный. Унто, как и Гурген планировал свою жизнь на много лет вперед, и ему очень хотелось, чтобы его дело процветало.

В тот вечер по негласному соглашению мужчины не вспоминали о своем споре, и праздник устроенный в честь матери Гургена удался на славу. Кондитер не зря так долго расспрашивал каждую гостью о ее предпочтениях. Женщины получили удовольствие не только от спокойной атмосферы, царившей у Ханонен, а но и от десертов, которые у всех были разные.

Эманов видел старания Унто, но чтобы ненароком не коснуться старой темы, помалкивал весь вечер. Зато женщины, у которых уже давно не было не только праздников, но и свободных дней, с удовольствием поддерживали легкий разговор затеянный хозяином заведения.

Еще долго женская половина Эмановых вспоминала этот вечер, проведенный в кондитерской, и Гурген вскоре смягчился и теперь все дни рождения домочадцев праздновались именно там.

Гурген и Унто были очень схожи в отношении к своему делу, и поэтому вскоре стали добрыми приятелями.

Эманов частенько стал захаживать к кондитеру, но кофе пил дома, а у кондитера всегда заказывал чай с каким-то особым терпким вкусом, рецепт которого хозяин заведения держал в секрете.

Гурген старался приходить в такой час, когда посетителей почти не было, и мужчины могли спокойно поговорить или сыграть партию в шахматы.

Так продолжалось много лет и приятели часто поддерживали друг друга в непростых ситуациях. Когда же Эмановы переехали в новый дом, и у Гургена появилась возможность давать клиентам время на то, чтобы спокойно выбрать какое-то изделие, то, чтобы заполнить наступившую паузу, он начал предлагать легкие напитки или кофе. Вот с этих самых пор и начались разговоры о том, кто же варит этот напиток лучше – человек с Востока или с Севера. Кофе Унто мог попробовать любой, в то время как у Гургена, достаивались такой чести немногие, и поэтому пальму первенства долгое время удерживал кондитер.

Эти разговоры за спиной так и продолжали бы будоражить горожан небольшого городка, если бы в один вечер не случилось то, из-за чего два добрых приятеля два года даже не смотрели в сторону друг друга.

В тот день у Гургена купили сразу несколько дорогих украшений и тот, отметив это событие в кругу семьи, пришел поделиться радостью со своим товарищем. Невысокий худощавый ювелир появился на пороге кондитерской с початой бутылкой коньяка и каким-то свертком.

Вечером у Унто всегда очень многолюдно, и поэтому тот приветливо поприветствовал своего приятеля и сказал, что как только появится свободная минута, то сразу же подойдет к нему.

Эманов прошел к столику, который стоял у стены, снял свое роскошное норковое черное пальто и сел. Жестом позвал помощника кондитера, и тот вскоре принес пустую рюмку и нарезанный лимон. Гурген положил рядом с бутылкой коньяка сверток и, откинувшись на стуле,

начал наблюдать за посетителями в зале. Сначала он с интересом рассматривал семью с маленьким ребенком, а потом ему стало скучно, и он наполнил свою рюмку доверху.

Хозяин кондитерской видел, что его приятель пришел уже навеселе, и пытался скорее обслужить всех посетителей, чтобы не оставлять Гургена в таком состоянии одного. Но клиентов в этот вечер было много, и он не мог оставить обслуживание всех на одного помощника.

Когда наконец Унто освободился и подошел к ювелиру, то бутылка была уже наполовину пуста. Может быть для кого-то другого такое количество выпитого не изменило бы поведения, но для худощавого и редко выпивающего ювелира это было слишком много. Невысокий чернявый мужчина слащаво всем улыбался и дарил воздушные поцелуи, а когда около него появился кондитер, то Гурген вскочил, бросился к нему и начал с ним обниматься.

Ханонен очень хорошо относился к своему приятелю, но объятия нетрезвого человека, ему были совсем не по душе. Он незаметно брезгливо поморщился и попытался освободиться от ювелира. Хотя дядюшка Унто и превосходил своей комплекцией Гургена, и казалось, что с легкостью выйдет из щекотливого положения, но сухощавый Эманов вцепился в Ханонена мертвой хваткой, и только мотался из стороны в сторону.

– Гургенчик, дорогой! – не выдержал кондитер. – Я тебя очень уважаю, и поэтому давай присядем за стол. – дипломатично добавил он.

Ювелир на секунду задумался, выпустил из объятий приятеля и плюхнулся на стул.

Потом он неверным жестом подозвал помощника кондитера, и попросил еще одну рюмку уже для хозяина заведения.

– У тебя есть повод для этого? – спросил кондитер, показывая глазами на бутылку.

Гурген пошмыгал длинным носом, медленно повернул голову в сторону приятеля и попытался удержать ее прямо.

– Да. – рубанул он по столу и чуть было не упал от этого со стула.

– Может что-нибудь покушаешь? – обратился к ювелиру приятель. – И я тебе составил бы компанию.

Эманов тяжело вздохнул, потом откинулся на спинку стула и взялся руками за стол для надежности.

– Дома ел. – с трудом выдохнул он.

Потом в этом же положении, стараясь смотреть на кондитера, он разразился длинным монологом, в котором признавался Ханонену в любви и уважении. После этого он с трудом поднялся и неверным шагом подошел к кондитеру.

В это время помощник хозяина в знак уважения к господину Эманову поставил пластинку с восточной мелодией. Гурген, когда услышал знакомый мотив, прослезился и начал делать танцевальные па прямо около Унто. Как ни старался кондитер утихомирить своего приятеля, но ничего у него не получалось. Гурген уже не слышал того, какую музыку играет патефон, а самозабвенно предавался танцу. Потом зов крови разыграл в нем, и он, встав на цыпочки и вскинув руки, пошел на большой круг по всей кондитерской.

Когда маленький чернявый человек закончил свое выступление, е упав на колени перед Ханоненом, то все кто находился в этот момент в заведении разразились аплодисментами.

Унто подозвал помощника, и они вдвоем усадили того за стол.

– Посмотри за ним, а я пойду сварю ему кофе. – обратился он к пареньку.

Когда Гурген услышал эту фразу, то снова откинулся на спинку стула, взялся руками за стол и, зло ухмыляясь, сказал, что хоть он и любит Унто, но кофе его пить не будет, потому что благородный напиток требует особых зерен и умения.

Хозяин кондитерской понимал, что Эманов не в себе после выпитого, и поэтому постарался пропустить все сказанное мимо ушей, но Гурген, увидев, что тот направляется на кухню, вскочил и побежал за ним, смешно перебирая ногами и размахивая руками, и кричал, что кофе в этом северном краю может делать только он.

Сначала Унто пытался успокоить своего приятеля, но тот распалялся все больше и больше. Когда ювелир обратился к присутствующим и сообщил, что медлительный человек с Севера никогда не научится варить правильный напиток, то Ханонен сгреб его в охапку, подождал, когда помощник принесет ему его одежду и пальто Эманова и буквально отнес ювелира домой.

На следующий день Гурген ничего не помнил, и когда зашел в кондитерскую и выслушал от Унто нотацию про то, что горячительные напитки это зло – очень разгневался. Алкоголь еще не вышел из организма ювелира и тот снова обидел Ханонена.

Добродушный кондитер сказал, что, несмотря на то, что любит Гургена, но не даст ему с собой так поступать, и их отношения окончательно расстроились.

Глава 7

Два года приятели старались делать все, чтобы случайно не встретиться друг с другом, но когда слышали что-то нехорошее о другом, то сразу же становились на сторону бывшего друга и осаживали собеседника. Несколько раз окружение Гургена и Унто пытались завести разговор о том, чтобы помирить враждующие стороны, но ни один на это не соглашался и холодная война продолжалась.

Празднование Нового года в кондитерской предложила Елена, сначала предполагая, что все это будет в узком семейном кругу. Дядюшке Унто понравилось это предложение, но он сразу оговорил, что гостей будет больше. Мать Алекса не возражала, потому что доверяла своему близкому другу и знала, что случайных гостей он на свой праздник не допустит.

Незадолго до дня, когда случилось несчастье у Макияври Елена пришла в кондитерскую с твердым намерением сделать все, чтобы помирить двух приятелей. Сначала мать Алекса расспрашивала о делах Унто, потом долго рассказывала о сыне: его успехах и неудачах, и закончила тем, что очень рада, что у нее есть такой друг как кондитер, который одним своим вниманием может поддержать и успокоить.

Хозяин кондитерской внимательно посмотрел на женщину, а потом поинтересовался, о чем она не договорила?

– Я же сказала, что рада, что у меня есть ты. – пожала плечами Елена.

– Детка, – хитро посмотрел на нее кондитер, – я же тебя очень давно знаю, и поэтому, если ты так долго о чем-то говоришь, то становится понятно, что тянешь время и думаешь как начать о чем-то разговор.

– Я такая предсказуемая? – улыбнулась женщина.

– Давно смотрюсь в зеркало жизни, и могу отличить отражение от того, кто в него смотрит. – протянул ей раскрытую ладонь мужчина.

– Правда, не знаю с чего начать. – закусила губу мать Алекса.

– Может тогда отложим этот разговор? – предложил хозяин кондитерской.

– Думаю, что именно сейчас он будет ко времени. – вздохнула Елена.

Она немного помолчала, и потом спросила, что почувствовал бы Унто, если бы она с Алексом уехала в другой город.

– Ты переезжаешь к мужу? – заволновался Ханонен.

– Ты будешь скучать без нас? – хитро прищурившись, спросила женщина.

– Да, я жизни не представляю без Алекса и тебя! – воскликнул тот. – Ты же прекрасно знаешь, что я считаю вас своей семьей.

– Могу ли я тогда попросить тебя об одном одолжении? – продолжая пристально смотреть на мужчину, поинтересовалась Елена.

– Если это вас задержит здесь, то конечно. – не задумываясь ответил тот.

Мать Алекса встала, подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение, перевела взгляд на Унто, и сказала, что хочет, чтобы и Эмановы тоже были на празднике.

– Тогда вы останетесь здесь? – переспросил мужчина.

– Так ты исполнишь мою просьбу? – продолжая смотреть на кондитера через зеркало, спросила она.

Кондитер тяжело вздохнул, махнул рукой и сказал, что он согласен.

– Так что тебе написал муж? – поинтересовался он, когда Елена снова села напротив него.

– Да, ничего. – искренне ответила женщина и это было абсолютной правдой, потому что посыльный еще не приезжал. – Совсем ничего. – кивнула головой она.

– Ну, ты же сказала, что переезжаешь в другой город? – попытался прояснить ситуацию кондитер.

– Я спросила: будешь ли ты без нас скучать, если такое произойдет? – быстро проговорила та, покачивая под столом ногой.

– Обвела вокруг пальца? – расхохотался мужчина.

– Ты же сказал, что так давно меня знаешь, и что все у меня на лице написано? – хитро посмотрела она него, сдерживая улыбку.

– Старого воробья на мякине провела. – покачал головой кондитер.

– Ну, если, по-другому, ты даже слышать не хотел о Гургене. – переставляя чашку с места на место проговорила та.

– Но ведь это он первый начал меня оскорблять. – печально проговорил Ханонен.

– Сколько раз ты мне говорил, что раз я старше, то должна первая мириться с Алексом. – покачала головой женщина.

Кондитер молча взглянул на нее, и потом сказал, что готов пойти на мировую.

– Я могла бы отнести приглашение Эмановым, но думаю, что было бы лучше, если это сделаешь ты сам.

Мужчина потер лоб ладонью, и сообщил, что сможет это сделать немного позже.

– Я так старательно вычеркивал из своей памяти все, что было связано с Гургенем, – со вздохом произнес тот, – что теперь мне нужно время, чтобы вспомнить сколько хорошего между нами было.

– Мудро сказал. – улыбнулась Елена. – Только времени на это много дать не могу.

Кондитер удивленно посмотрел на собеседницу.

– Гургену думаю тоже нужно будет время, чтобы понять, что пора заканчивать военные действия. – пояснила та.

– Хоть до завтра. – посмотрел на нее кондитер.

– Договорились. – произнесла Елена и попросила еще кофе. – только не вздумайте снова начинать разговор об этом. – добавила она, поднимая чашку, где осталась гуща.

– Я-то промолчу. – усмехнулся Унто. – Но не неизвестно что этот маленький горячий петушок выкинет? – грустно ухмыльнулся тот.

– Надеюсь, что восточной мудрости в нем окажется больше. – вздохнула женщина.

На следующий день Ханонен пошел к Эмановым. Когда Флора увидела такого дорогого гостя, то чуть не прослезилась, потому что терять в возрасте друзей и приятелей гораздо тяжелее, чем в юности. Кондитера же она считала чуть ли не дальним родственником, с которым много общего. Все это время женщина пыталась уговорить Гургена сходить помириться с другом, но тот объяснял, что хотел преподнести в подарок кондитеру самые лучшие кофейные зерна, но тот оскорбил его и примирение невозможно.

– Как хорошо, что Вы пришли. – выдохнула Флора после приветствия. – Гургена нет, и поэтому мы сможем пока выпить чаю.

У Ханонена даже настроение улучшилось, когда он услышал, что приятеля нет дома, и процесс примирения немного отодвигается.

Жена Гургена пригласила Унто на кухню.

– Я же не каждого на свою территорию приглашаю. – объяснила она свой поступок. – Только самых родных людей. – добавила она с улыбкой.

Позже, когда они сидели за большим столом, который стоял посередине, Флора рассказала то, что смогла за это время по крупицам выудить из своего мужа.

– Тот день был у него очень удачным и он хотел поделиться своей радостью с Вами. – объяснила она то, что Гурген пришел в кондитерскую навеселе. – Чтобы выразить свое уважение и любовь, муж хотел преподнести в подарок пакет с зернами, из которых всегда варить кофе сам. – тихо добавила она.

– Но мне он ничего об этом не сказал. – растерянно произнес Ханонен.

– Что взять с человека, который отметил выгодную сделку сначала с клиентами, потом с семьей, а потом отправившегося к другу и там принявшего на грудь? – пожала плечами мудрая женщина.

– Получается, что он пришел ко мне с миром, а нашел войну? – тяжело вздохнул Унто.

– Видимо часто из-за недоразумений и возникают конфликты. – повела полным плечом Флора.

– Ну, тогда он не будет противиться нашему примирению? – обрадовался пожилой мужчина.

На что женщина пристально посмотрела на него, и сказала, что не уверена в успехе этого предприятия.

– Он очень оскорбился. – объяснила она. – Муж сказал, что он хотел с другом поделиться куском хлеба, а тот отверг его. – глухо добавила она.

– Но ведь было совсем по-другому. – покачал головой Ханонен и рассказал, что происходило на самом деле в кондитерской.

– Он там танцевал? – сделала удивленные глаза женщина.

– Да. – коротко ответил кондитер.

– Он этого мне не говорил. – сокрушенно произнесла Флора. – Значит и все то, что рассказывал могло быть не совсем точным?

Мужчина молча кивнул головой.

– Тогда думаю, что у нас есть шанс. – прищурилась женщина.

– И свидетелей того вечера было предостаточно. – добавил собеседник и замолчал, увидев входящего хозяина дома.

Когда Гурген увидел Унто, то даже в лице переменился.

– Сначала сядь и послушай, что тебе расскажет господин Хаанонен. – твердо произнесла Флора.

Эманов с неохотой отодвинул стул и сел на него.

Когда Унто начал рассказ, то Гурген сначала сидел, раскачивая ногой, но вскоре придвинулся к столу и начал внимательнее слушать своего старинного друга. По лицу Эманова невозможно было прочесть, что думает он по поводу услышанного, но желваки, которыми он играл выдавали его волнение.

– Этого не было. – выдавил он в конце.

– Есть много свидетелей. – спокойно ответил кондитер.

– Что ты хочешь сейчас? – прищурился Гурген.

– Хочу мира и пригласить твою семью на празднование Нового года. – посмотрел на друга Унто.

Ювелир пообещал нанести визит, и после этого они попрощались.

Мужчины не бросились в объятия друг другу, но крепко пожали руки.

Глава 8

И вот теперь Елена наблюдала в зеркало за этими двумя мужчинами, у которых на этом вечере был шанс снова обрести друг друга.

«Зачем Гурген снова затеял этот разговор про кофе? – думала женщина. – Ведь виноватыми в разрыве они были оба, но дядюшка Унто первым протянул ему руку, и вот снова они стоят у черты, которую так легко преступить, но сложно сделать обратный шаг. Что движет Эмановым, который так поступает? – Желание доказать, что он лучший? Унизить кондитера? Или он вообще ничего не думает, а в нем играет горячая восточная кровь? Как сделать, чтобы, не задев мужского достоинства, предотвратить надвигающуюся ссору? Если к дяюшке Унто я и могу найти подход, то к горячему Гургену даже не знаю как подступиться.»

Мать Алекса повернулась к залу и осмотрела всех гостей. Когда она увидела, что Луиза стоит возле Флоры, то решила подойти к ним.

Жена Гургена рассказывала о том, как она боялась переезжать в этот далекий край и совсем не предполагала, что дело мужа здесь расцветет.

– Вы думаете, что в своем городе он не добился бы таких успехов? – поинтересовалась Елена.

– Не знаю. – пожалала плечами женщина в синем бархатном облегающем платье, которое подчеркивало ее полноту. – Здесь намного больше покупателей и ценителей дорогих украшений.

– Да. – кивнула мать Алекса. – Места здесь богатые: лес, пушнина, рыба.

Флора молча развела руками.

– Гурген очень любит свое дело. – добавила она.

– Как и Унто. – согласилась мать Алекса.

– Поэтому они так и сдружились. – обернулась жена Гурген и увидела, что мужчины о чем-то беседуют.

– Зачем Ваш муж снова затеял этот разговор? – пристально посмотрела на собеседницу Елена.

– Кровь в голову наверное ударила. – резко ответила та.

– Но ведь они снова поссорятся. – пожалала плечами мать Алекса.

– Может можно этому помешать? – вмешалась в разговор дрессировщица.

– Подсыпать в шампанское снотворного? – с иронией произнесла Елена.

– Или слабительного. – весело расхохоталась Флора.

– Какая Вы прямо коварная. – улыбнувшись, покачала головой мать Алекса.

– Я не знаю, что еще может помешать Гургену выполнить задуманное. – вздохнула та. – Мы с ним вчера целый вечер говорили о том, что не нужно затевать спор о том, кто лучше варит кофе.

– Может что-нибудь другое придумать? – задумчиво произнесла Луиза.

– Что-то можешь предложить? – обратилась к ней мать Алекса.

Дрессировщица выразительно посмотрела на двойняшек, которые все это время с удовольствием слушали то, о чем говорили женщины.

– Может вы хотите попробовать пирожных? – обратилась к сыну и дочери Флора, которая с полувзгляда поняла циркачку.

– Ты разрешаешь нам есть сколько хочешь? – сразу ухватился за эту фразу смысленный мальчуган.

– Нет. – покачала головой женщина. – Или ты хочешь после праздника пойти не домой, а в больницу? – с легкой иронией добавила она.

Давид поморщился и недовольно покачал головой.

– Карен за вами присмотрит. – спокойно проговорила Зара, которая за все это время ни проронила ни одного слова.

Подросток, не ожидая других указаний, послушно кивнул и жестом пригласил детей пройти к этажеркам с десертами.

– Если чай горячий, то попроси или Гургена или дядюшку Унто, чтобы принесли воды запивать сладости. – обратилась к племяннику Флора.

Когда дети отошли на достаточное расстояние, Луиза попросила женщин подойти к ней поближе, а сама встала посередине.

Минут через пятнадцать сестра Гургена пошла за своим сыном, и уже вскоре Флора что-то наказала ему сделать.

– А если дядя меня спросит куда я пошел? – закусил губу паренек.

– Скажешь, что я приготовила для Алекса и Катарины подарки и забыла их. – ответила ему тетя.

– Детей учите, чтобы они не врали, а сами меня к этому толкаете. – пробурчал подросток.

– Ты помнишь, как долго Гурген ходил как в воду опущенный, когда поссорился с Унто? – обратилась к нему мать.

– Что-то было. – пожал плечами парнишка.

– Молодость редко бывает внимательна. – усмехнулась Флора.

– Твой дядя очень переживал когда это случилось. – пояснила Зара. – Разве ты не хочешь сделать для него что-то хорошее? – удивленно произнесла она.

– Спрашиваешь! – всплеснул руками тот. – Для него я на все готов!

– Не думаю, что нужно разбрасываться такими словами, и поэтому лучше сделай то, что мы тебя просим. – проговорила тетя.

Паренек молча пожал печами, после чего Флора что-то долго ему объясняла, а потом отвела в раздевалку.

– Восточные люди понимают шутки? – обратилась к Заре Елена.

– Никогда об этом не задумывалась. – смущенно ответила та.

– Надеюсь Гурген не будет на нас в обиде. – заправляя выбившийся локон, проговорила мать Алекса.

– Он на самом деле очень добрый. – тихо проговорила стройная невысокая женщина с тонкими чертами лица очень похожая на своего брата.

– Мы тоже на это надеемся. – широко улыбнулась Луиза, у которой от задуманного поднялось настроение.

В это время помощник кондитера пригласил всех присутствующих присаживаться за длинный стол.

– Это Алвар придумал, как сделать, чтобы все поместились. – проговорила Элна, которая подошла к Елене.

– Хозяйственный весь в маму. – улыбнулась мать Алекса, обнимая подругу за талию.

– Отец тоже хоть куда. – громко проговорила Элна, чтобы муж услышал, как она его похвалила.

– Не спорю. – кивнула головой ее собеседница.

– А где будут сидеть дети? – поинтересовалась Флора, которая уже проводила племянника.

– Можно было бы их отсадить на край стола, чтобы они сами веселились, но боюсь, что они там будут есть только сладости. – развела руками мать Алекса.

Зара поддержала идею посадить детей вместе, и сказала, что сядет вместе с ними.

– У тебя тогда не получится никакого праздника. – поджала губы Флора.

– Мне оттуда будет все хорошо видно. – уверила ее сестра мужа и направилась к детям.

Пока гости рассаживались за длинным столом в теплой кондитерской, Карен бежал к дому Эмановых, чтобы выполнить поручение тети. Тяжелая связка ключей оттягивала карман дубленого полушубка и парнишка придерживал его рукой. Мороз сильно щипал лицо, но подросток, который вначале не хотел покидать теплового помещения с удовольствием вдыхал холодный воздух. Мальчик, рожденный на юге, которого привезли сюда несмышленищем, считал этот край своей Родиной и не представлял, что есть места, где большая часть года лето, а снег лежит только на вершинах гор. Мать часто рассказывала ему о том наполненным солнцем крае, где на улице растет виноград. Карену всегда было интересно слушать Зару, но все это больше было похоже на восточные сказки; красивые и не всегда понятные. На вопрос почему же они не остались в том благодатном месте, мать никогда толком не давала ответа, и мальчик решил, что вся эта затея с переездом была только из-за того, что дядя Гурген почувствовал, что можно расширить свое дело. Карен очень гордился своим родственником. Не у каждого мальчишки отец так заботился о своем ребенке, как Эманов о племяннике. Карен очень любил наблюдать за тем, как рождаются творения у ювелира и хотя Гурген и не любил, чтобы ему мешали, но паренька никогда не прогонял, потому что знал, что кто-то из детей должен обязательно стать его преемником. Мудрости в Эманове видимо было больше, чем вспыльчивости, потому что мужчина понимал, что его горячо любимый сын может не унаследовать от отца талант к ювелирному делу и предпринимательству и, поэтому поощрял племянника в его желании узнать больше. Карен старался запомнить каждое слово, каждый жест дяди и для этого всегда держал при себе небольшую записную книжку, куда он записывал все, что относится к ювелирному делу. Зара всегда говорила мальчику, что они должны быть очень благодарны Гургену за то, что он делает для них и ювелир в глазах подростка был непререкаемым авторитетом. Тетя с матерью уверяли его, что то что он должен сделать, будет во благо ювелиру, но подросток не понимал – почему хорошее дело он должен выполнять в тайне от того, кому оно предназначалось.

Когда Карен зашел в темный дом, то ему стало не по себе. Тусклый свет отражался в большом зеркале, где подросток увидел поединок двух рыцарей, который исчез сразу же после того, как испуганный паренек включил свет. Карен считал себя взрослым мужчиной, и ему было неприятно, что его напугало собственное воображение.

Мальчик снял шапку, чтобы стряхнуть с нее снег, который шел на улице и, не раздеваясь, прошел на кухню, где заглянул сначала в один шкаф, потом из другого достал большой мешок, откуда шел тонкий аромат кофе. Из буфета подросток достал два бумажных пакета, которые наполнил зернами.

Мешок Карен поставил на место и один пакет положил себе за пазуху да так, чтобы его не было видно, потом прошел в комнату к Флоре и достал из бельевого шкафа два полотенца и, завернув их в оберточную бумагу, которую прихватил с кухни, вышел.

Подросток выключил везде свет и вышел на улицу, где снег прекратился, а мороз стал крепчать. Карен закрыл дом, потом ворота и побежал к кондитерской.

Глава 9

Хотя дядюшка Унто и был хозяином вечера, но рассаживать гостей не стал, а ждал, пока каждый найдет себе место по душе. Губернатор хотел сесть рядом с Еленой, но та сказала, что лучше будет, если он займет место напротив. После этого Элен села по правую руку подруги, а Эльза Каллела, которая еще не привыкла к новому обществу и решила держаться около матери Алекса, по левую. Рядом с губернатором заняли места Хейно с Алваром, а по другую сторону Вилхо Хаутамяки – отставной полковник и будущий городской. В торце стола устроилась Зара с детьми, а с противоположной стороны – циркачи. Флора с Гургеном устроились около Штефана с Луизой, около которой оставшееся свободное место занял хозяин кондитерской.

Как только все устроились – открылась дверь и появился запыхавшийся Карен с двумя свертками в руках.

– Ты куда ходил? – удивился Гурген, который не заметил, как подросток покинул помещение.

– Я приготовила подарки для Алекса и Катарины, и забыла их взять. – поспешила объяснить ему супруга. – Да, заодно попросила, чтобы Каренчик принес кофейных зерен. Ведь сегодня ты хотел всех угостить.

Эманов обрадовался, что кофе уже здесь, и поэтому все остальное пропустил мимо ушей.

Полная Флора легко поднялась со стула и подошла к племяннику, у которого забрала свертки.

– Иди в раздевалку. – с улыбкой проговорила она, глядя ему в глаза.

Когда подросток ушел, то вслед за ним отправилась Елена.

– Вот твой кофе. – протянула Гургену пакет с ароматными зёрнами его жена.

– Самый лучший. – поднес он сверток к носу. – Средней обжаренности и с тонким шоколадным шлейфом. – с видом победителя посмотрел он на Ханонена.

Кондитер спокойно посмотрел на него и пожал плечами.

– Если я скажу, что ты варишь лучший кофе, то может оставим этот спор? – тихо проговорил пожилой мужчина.

– Это будет нечестно! – воскликнул Эманов. – Нельзя вручать пальму первенства без соревнования.

– Зачем нужно соревнование, если можно потерять друга? – вздохнул хозяин вечера и посмотрел на Штефана.

Тот кивнул, соглашаясь с Унто.

– Это будет честный поединок! – с пафосом произнес Гурген. – После которого у нас не будет причин держать друг на друга обид.

– Но, если я могу проиграть, то не лучше ли сейчас прекратить этот спор? – вздохнул Ханонен.

Эманов отрицательно покачал головой.

Флора молча посмотрела на мужа и села на свое место.

Когда вернулись Елена с Кареном, то жена Гургена поднялась и подошла к детям.

– Если бы я раньше узнала про этот праздник, то обязательно подготовилась лучше. – произнесла она, глядя на Алекса и Катарину. – Надеюсь мне представится случай исправить это. — добавила она, развернула коричневую бумагу, и достала белоснежные полотенца, на одном из которых была вышита гладью гроздь винограда, а на другом яблоневая ветка.

– Как красиво! – захлопала в ладоши маленькая Макияври. – А кому какое? – посмотрела она на друга.

– Выбирай. – улыбнулся тот.

– Не обидишься? – прищурилась девочка и потянулась за тем, на котором была ветка с яблоками.

– Мне другое понравилось. – рассмеялся мальчуган, рассматривая изумительную вышивку.

– Это Зара рукодельничала. – громко произнесла Флора и все присутствующие посмотрели на сестру Гургена, которая скромно опустила глаза. – Золотые руки. – проговорила она, глядя на полковника.

Статный седовласый мужчина, одетый в черный габардиновый костюм с интересом посмотрел на изящную Зару.

Пока Флора одаривала детей Елены, та в свою очередь подошла к ее сыну и дочери. Давиду она протянула набор оловянных солдатиков, а Карине вязанного зайчика.

– Может быть у вас нет таких игрушек? – с надеждой спросила она.

– Солдатиков у меня полно! – разочарованно произнес мальчуган.

– За подарки принято благодарить. – с укором произнесла его мать и так посмотрела на ребенка, что тот сразу добавил, что пехоты в армии лишней не бывает.

– Это точно! – громогласно подтвердил полковник.

– Мне нравится Ваш зайчик. – прижала к себе белую ажурную игрушку девочка.

– Это Элна сделала. – сделала жест в сторону подруги Елена.

– И тебя могу научить. – улыбнулась та хорошенькой Карине.

Темно-карие глазки девочки засияли и, быстро взглянув на мать, и увидев жест одобрения, кивнула.

– Потом договоримся. – обратилась мать Алвара к Флоре.

Жена Гургена повела полным плечом и пошла на свое место.

– Детка. – обратился Унто к Елене. – Хватит ходить. Садись уже. Будем старый год провозжать.

– Будем говорить слова? – улыбнулась та.

– Конечно. – спокойно проговорил хозяин вечера. – Вот ты и будешь первой.

Женщина отрицательно помотала головой.

– Нет, нет. – широко открыла она глаза. – Ты сторона принимающая, вот тебе и начинать.

– Я должен выступить заключительным аккордом. – произнес тот.

Эта шутивная перепалка могла еще долго продолжаться, и поэтому губернатор объявил, что он будет говорить первым на этом вечере.

– Я не знаю почему Елена отказалась выступить, но мне кажется, что многое происходило с ее участием. – произнес господин Райле.

Губернатор встал и начал с того, что год был насыщен как хорошими, так и печальными событиями. Он говорил эмоционально, вспоминая все, что происходило в их и соседнем городах, и все внимательно слушали. В этот момент, наверное, каждый думал о чем-то своем, что было ближе ему. Елена, сидевшая напротив губернатора, смотрела то на него, то на его отражение в витрине, которое была у него за спиной. Она думала о том, что привыкла к этому мужчине, который последнее время часто оказывался с ней рядом, когда ей нужна была помощь и становилось немного страшно от этой мысли, потому что хоть она и знала, что за спиной ее называют соломенной вдовой, но одинокой себя никогда не считала. Только последняя безликая открытка заронила в душу сомнение о том, что муж когда-нибудь вернется в этот город. Она слышала истории про то, что моряки заводят себе на время стоянки ПЖ – причальных жен, и те хоть и очень редко, но иногда все же переходят в статус постоянных. Елене не хотелось об этом думать, потому что в любом случае получалось, что все это вымыслы, а правда находится где-то далеко, где женщина ее не видит. Она посмотрела на господина Райле и грустно улыбнулась. Мужчина же, увидев печаль в глаза своей спутницы на этом вечере, решил, что

ей жалко маленькую Макияври, и поэтому начал говорить о том, что постарается сделать все, чтобы помочь Катарине.

– Как хорошо, что к этому делу подключился губернатор. – прошептала на ухо подруге Элна.

– Надеюсь, что все разрешится. – так же тихо ответила ей та и приложила палец к губам, показывая, что нужно помолчать.

Елена слушала мягкий обволакивающий голос губернатора и незаметно рассматривала будущего городского. Вилхо Хаутамяки был родом из этого города, но молодой человек считал честью охранять Отечество, и он уехал в Р, чтобы закончить там специальное учебное заведение и поступить на службу. Во время учебы он познакомился с милой и очаровательной Кэтти, которая впоследствии стала его женой и несла все тяготы военной жизни. В отпуск они приезжали на родину Вилхо в этот северный край, и все время мечтали о том, что когда Хаутамяки выйдет в отставку, то они будут жить именно здесь, где зимой можно увидеть северное сияние, а в конце лета уже наблюдать, как деревья переодеваются в яркие солнечные одежды. Но все этим планам не удалось свершиться, потому что за несколько месяцев до того дня, когда Хаутамяки поучил отставку, жена скорострительно скончалась. Три недели понадобилось на то, чтобы приветливая круглолицая пампушка Кэтти превратилась сначала в худенького подростка с глазами, смотрящими уже только внутрь себя, а затем в изможденную девочку с удивительно юным лицом, на котором не было ни одной морщины. Вилхо не верил в то, что здоровый с виду человек может так быстро умереть и, когда его жена говорила о приближающейся кончине, то начинал злиться и иногда прикрикивал на нее. Сколько раз потом он корил себя за эту толстокожесть и нежелание услышать то, что хотела донести до него супруга. А Кэтти, уже стоя одной ногой на границе другого мира, не обижалась на мужа и только глаза ее стекленели от боли, которые сопровождала эту болезнь. Один раз, когда Вилхо, чтобы не тревожить сон жены сидел в этой же комнате с зажженной свечой, а потом вышел на некоторое время, то чуть не случился пожар. Вот тогда мужчина узнал как мучается его супруга, потому что как только он потушил огонь, Кэтти тяжело выдохнула и сказал, а что так устала терпеть боль, что лучше бы сгорела заживо. И тогда этот сильный здоровый человек с военной выправкой сел на колени около кровати умирающей и, закрыв лицо своими большими руками, заплакал. Его плечи сотрясались от рыданий, которые он как мог сдерживал, а Кэтти гладила его по голове тонкой высохшей рукой и говорила о том, как она была счастлива все эти годы и, что, когда пройдет время и зарубцуется рана, Вилхо должен обязательно еще раз жениться. Мужчине было крайне неприятно слышать слова о жизни без супруги, но перечить ей может быть в последний час он не хотел, и поэтому только сглатывал подступающий комок в горле, который мешал ему дышать. Через несколько дней женщина умерла, и мужчина взял отпуск, чтобы похоронить ее в том месте, где она родилась. Похороны и все остальное время пока Вилхо не подписали приказ об отставке он помнил плохо, и несмотря на то, что сначала он не хотел возвращаться к себе на родину без Кэтти, все же пересилил себя и вернулся в родной город. За могилкой жены обещали присматривать ее родные, которые как могли поддерживали безутешного Хаутамяки.

Целый год Вилхо жил как в тумане: он ходил по улицам, разговаривал с прохожими, но если бы его спросили о чем он говорил, то мужчина не смог бы ничего вразумительного ответить. Позже он начал различать людей, с которыми здоровался и прежде, и через некоторое время произошло хоть и не полное выздоровление, но такое состояние, что можно было с уверенностью сказать: кризис миновал, и человек медленно, но верно идет на поправку. Вот в это самое время губернатор и попросил Вилхо занять должность городского и, если бы господин Райле обратился к Хаутамяки пару месяцев назад, то обязательно получил бы решительный отказ, но сейчас мужчина понимал, что должен прилагать усилия к тому, чтобы жить, потому

что его Кэтти не узнала бы в понуром человеке того уверенного в себе мужчину, которого так любила.

И вот теперь после долгого затворничества Вилхо Хаутамяки с удивлением рассматривал людей, которые собрались в кондитерской и не замечал того, что за ним тоже наблюдают.

Глава 10

Луиза тоже слушала губернатора, но достаточно не внимательно: смотрела в бокал, в котором отражался свет люстры и чувство беспокойства, которое она немного отодвинула от себя, снова вернулось. Иногда циркачка думала, что живет совсем без кожи, потому что могла чувствовать не только каждое слово и каждый поступок, но и мысль, которая была направлена против нее.

«Как же я устаю все это ощущать. – грустно думала она. – Ведь без телесной оболочки человек обречен на гибель. А я с этим живу уже очень много лет и как хочется иногда залезть в чехол, который смог бы уберечь меня от этого. Некоторые люди считают, что способности, которыми наделила меня природа делают меня счастливой, и совсем не понимают, что это так же тяжело, как и жить с абсолютным слухом – любая какофония бьет по ушам, как кувалда. И никуда нельзя спрятаться от этих ощущений, и к тому же, как говорила бабушка Суви, должна стараться приносить с помощью этого дара пользу людям.

Молоко наполненное вымя козы обязательно нужно выдоить, иначе оно может пропасть и животное будет годно только на мясо. – прозвучал голос старой саамки.

Я не коза, чтобы меня доить. – усмехнулась про себя циркачка.

Твой дар так же удивителен и прост, как и молоко, которое может питать детенышей или людей. – спокойно ответила та.

Так одно дело, когда знаешь кого кормить, а другое – когда даже не представляешь кому нужна пища. – вздохнула дрессировщица.

Даже слепые козлята могут найти вымя по молочному запаху. – произнесла старуха.

То есть тот, кому нужна помощь, сам найдет меня? – поинтересовалась Луиза.

Чтобы увидеть их, иногда нужно только оглянуться. – ответила саамка.

Не знаю. – ответила циркачка, продолжая рассматривать бокал, и в нем она увидела отражение Елены, которая вдруг оказалась у нее за спиной.»

– Ты мне нужна. – прошептала на ухо циркачке мать Алекса.

Луиза кивнула и тихонько вышла из-за стола.

Они зашли сначала в раздевалку, а потом прошли на кухню, где сидел и скучал помощник господина Райле.

– А ты чего здесь делаешь? – удивилась Елена.

– Жду, когда нужно будет подавать гостям горячее. – раскачиваясь на стуле, ответил долговязый парень.

– И тебе не интересно, что говорит губернатор? – пристально посмотрела на него женщина.

– А меня оттуда не прогонят? – шмыгнул носом Ганс.

– Когда это тебя дядюшка Унто в черном теле держал? – чуть усмехнулась мать Алекса. –

Не тогда ли, когда у тебя все тесто убежало, которое ему требовалось для приготовления пирогов для клиента и ему пришлось все делать из слоеного.

Белобрысый Ганс почесал большой пятерней в затылке и тяжело вздохнул.

– Иди, иди. – покачала головой Елена. – Можешь у стены постоять или взять стул и присесть в торец к детям.

Долговязый парень поднялся, неуклюже взмахнув своими длинными руками, почесал нос и вышел из кухни.

Мать Алекса посмотрела ему вслед, вздохнула и покачала головой.

– Ганс очень добрый. – обернулась она на Луизу. – но иногда берут сомнения в том, что он способен мыслить и принимать сам решения.

– Бабушка Суви говорила, что грибы бывают съедобные и нет. Мухоморами, которыми лоси лечатся, люди отравиться могут. – наклонила голову дрессировщица. – Кто знает какое предназначение у этого неуклюжего парня в этом мире?

– Конечно. – согласилась женщина. – Неизвестно: лучше ли иметь добродушного помощника, за кем надо приглядывать, чтобы он все правильно выполнял или очень смышленного, но лукавого, от которого не будешь знать, что ожидать.

– Да. – улыбнулась циркачка. – Только как же быть с поговоркой, которая гласит, что простота хуже воровства?

Елена закусила губу и прищурилась.

– Так никто и не спорит, что хороша золотая середина. – рассмеялась она. – Только вот где ж ее взять?

– Не знаю. – протянула Луиза. – Это несовершенство мира людей иногда приводит меня в тупик. Кажется, что все говорят на разных языках, и поэтому и не понимают друг друга.

– Да? – удивленно взглянула на нее мать Алекса. – А ведь я не так давно тоже об этом думала.

– Ничего не происходит случайно, как говорила бабушка Суви. – улыбнулась дрессировщица.

Елена улыбнулась и развела руками. После этого она достала небольшую деревянную кадучку, прижала ее к груди и с усилием открыла крышку. Заглянув в другой шкаф, она вытаснула стеклянную банку, в которую пересыпала кофейные зерна, что были в первой таре. Потом взяла из рук Луизы сверток и уже оттуда высыпала содержимое в пустую кадучку, и плотно закрыла ее. Женщина быстро расставила все по местам, закрыла дверцы и отошла в сторону.

– Это куда? – спросила у нее дрессировщица, показывая на коричневую оберточную бумагу, которая лежала на столе.

– Пойду себе в шубу спрячу. – аккуратно складывая лист, ответила та.

– От тебя потом кофе будет пахнуть. – улыбнулась циркачка.

– И даже духи будут не нужны. – тряхнула Елена головой и отправилась в раздевалку.

Луиза тоже хотела пойти вслед за ней, но замешкалась, увидев свое отражение в начищенной до блеска медной кастрюле. Красивое личико миниатюрной циркачки превратилось там в необъятных размеров физиономию с вытаращенными глазами и гигантских размеров носом.

«Вот это великанша. – мысленно рассмеялась она. – Может это и есть мое настоящее лицо, которое прячется за моей внешностью? – с язвительной усмешкой подумала она. – Все, глядя на меня, думают, что я несу людям добро, а у меня внутри сидит тетка, которая только и думает как урвать для себя кусок послаще!» – уже в голос расхохоталась дрессировщица.

– Что случилось? – вернулась за подругой Елена, которая успела убрать бумагу.

– Подумала, что все люди напичканы как хорошим так и плохим. – пожала плечами Луиза. – Когда ты стоишь перед зеркалом – где уверенность в том, что настоящий именно ты, а не тот кто за стеклом.

– Не знаю. – вздохнула мать Алекса. – Здесь ли настоящее, там ли, была ли твоя жизнь или ее не было – так же непонятно, как и звезды, которые далеко. Неизвестно что будет завтра, главное, чтобы после тебя в этом завтра не осталась выжженная пустыня. Просто надо жить и помнить об этом. – пристально посмотрела на собеседницу женщина.

– Тяжело чувствовать в себе злобного великана. – грустно улыбнулась дрессировщица.

– Согласна. – кивнула Елена.

– А тем более, когда он в тебе не один. – добавила циркачка.

В это время на кухню заглянула Флора.

– Вы что тут делаете? – всплеснула руками она.

– О чем договаривались. – удивленно посмотрела на жену Гургена мать Алекса.

– Там губернатор уже все сказал, поднял бокал, чтобы выпить за прошедший год и все увидели, что вас нет. – возмущенно проговорила женщина.

– Дааа? – протянула Елена. – Я думал, а он еще долго будет говорить.

– Всю ночь? – с легкой иронией спросила Флора.

Мать Алекса отвела взгляд в сторону и улыбнулась.

– Ну, задержались немного. – пожала плечами она.

– Немного. – с укором повторила за ней Эманова.

– Женщины имеют право задерживаться в туалетных комнатах. – легкомысленно ответила Елена.

– На всю ночь? – не выдержала и рассмеялась Флора.

Мать Алекса хитро посмотрела на нее, поджала губы, пряча улыбку, и вышла из кухни, поправляя на ходу волосы.

– Мы немного задержались? – улыбнулась она всем присутствующим, взгляды которых были устремлены на нее, когда она появилась в зале.

– Немного сдержанно, но доброжелательно ответил губернатор.

Елена извинилась перед всеми за отсутствие и, не присаживаясь, взяла пустой бокал.

Долговязый Ганс, поймав взгляд хозяина, подошел к женщине и, выяснив ее предпочтение, налил ей розового вина.

– За год уходящий? – произнесла она, глядя на господина Райле.

– Хорошо, что он был. – ответил тот, немного приподнял бокал и улыбнулся.

– Да. – решительно выдохнула женщина и сделала небольшой глоток.

Когда Елена и губернатор сели на свои места, то директор цирка захотел сказать речь, но хозяин вечера попросил его немного подождать, чтобы гости смогли немного перекусить.

– Разве Вы не голодны? – с улыбкой обратился он к господину Шеллу.

– От одного вида Ваших закусок захочется есть. – рассмеялся тот.

– А Вы не смотрите на них, а кушайте. – добродушно произнес дядюшка Унто. – Если понадобится что-то, то принесем еще. – добавил он.

К приготовлению еды кондитер всегда относился с большим почтением, а к праздничному вечеру он начал готовиться загодя. Сначала было составлено меню для торжества, а потом сделаны необходимые приготовления. Унто договорился с колбасником о приготовлении нежного паштета из говяжьей печени, запеченного холодного мяса и нежирного холодца. Булочника Ханонен попросил напечь пирогов с рыбой, клюквой и сладким творогом. Заливное из форели он сделал сам, а за винами и фруктами съездил в другой город. Сладкие напитки для детей всегда были в ассортименте у кондитера, и поэтому много времени на приготовление морсов и лимонадов ему не потребовалось. На горячее он решил приготовить гуся с клюквенно-медовой подливой и запеченного сига в сыре. Унто очень хотел, чтобы еда понравилась всем и взрослым, и детям, и поэтому с волнением следил за тем, как гости ели.

– Отличный стол. – улыбнулась ему Елена.

– Любой может выбрать то, что ему нравится. – согласилась с подругой Элна.

Когда Ханонен услышал эти слова, то немного успокоился и сам приступил к трапезе.

Глава 11

Девушка с темно-русой косой толщиной в руку сидела на стуле и пыталась рассмотреть свое отражение в начищенном до зеркального блеска серебряном подносе. Неясные очертания ее облика ничуть не смущали девицу, и она поворачивала голову, то в одну, то в другую сторону. Откуда-то доносились звуки женского голоса, на которые девушка не обращала внимание.

– Разбилось что-то. – обратился к русоволосой полный мужчина в белом фартуке, когда послышался звон стекла.

– А ты дядь Володь удивлен? – обернулась к нему девица.

– Да нет. – пожал плечами тот. – Только потом тебя заставят все убирать. Смотри осторожнее с осколками – не поранься. – тепло по-отечески добавил он.

– Первый раз что ли? – махнула рукой та, и положив поднос, встала и потянулась. – Если начала буйнить, то пусть хоть сейчас весь пар выпустит, чтобы ночью можно было бы поспать.

– Замучила она тебя, Клавдия? – вздохнул собеседник.

– Привыкла уже. – через плечо ответила та. – Долго не могла привыкнуть к ее фортелям, а теперь молчу и о своем думаю. – усмехнулась девица. – В прошлый раз хозяин заступился. Ничего – жить можно. Не на улице лопатой махать.

– И то верно Клавушка. – ответил тот. – Тут нужно перед хозяйкой шею гнуть, а лес к примеру сплавлять совсем другое здоровье надо.

– Так ты это сызмальства понял? – рассмеялась девушка.

– Своя рубашка-то ближе к телу. – усмехнулся мужчина. – Ты вот тоже не только стоишь и молча слушаешь, как хозяйка гневается. – посмотрел он на собеседницу. – Кто потом тут натопил, как бане? – погрозил он ей пальцем.

– Холодно стало. – легкомысленно ответила русоволосая, не отводя взгляда в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.